

Б. ЛАВРЕНКО
ЗВЕЗДОЛЕТ ВОЗВРАЩАЕТСЯ
НА ЗЕМЛЮ

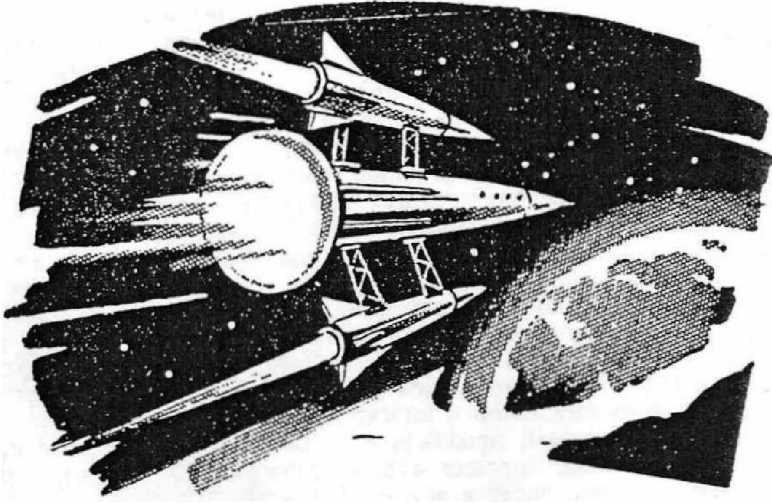
**БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ
И НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ**

БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ
И НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

ААКНОСТ ~ 2016

БОРИС ЛАВРЕНКО

ЗВЕЗДОЛЕТ ВОЗВРАЩАЕТСЯ НА ЗЕМЛЮ

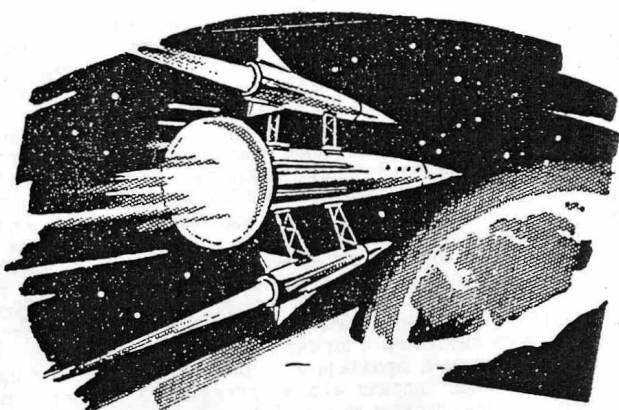
Научно-фантастические произведения

Б. ЛАВРЕНКО

ЗВЕЗДОЛЕТ
ВОЗВРАЩАЕТСЯ
НА ЗЕМЛЮ

Повесть

СРОЧНЫЙ ВЫЗОВ

Ничто в этот день не предвещало чрезвычайных событий. Как всегда в предпраздничные дни, рано замерла деловая жизнь. Зато на улицах бурлило — все спешили за город навстречу веселому празднику: Дню лета.

Олег и Жеррар несколько задержались, и теперь проскочить вперед — нечего было и думать. Аэроавто всех систем, всех окрасок — от одноместных легких глейдеров до гигантских аэробусов — шли густо, вплотную, насколько позволяли автоматы безопасности. Пришлось подчиниться воле общего потока, и Олег включил авторулевого.

Жеррар повернул голову с жестким, тронутым сединой ежиком. На его худощавом, добродушном лице появилась сочувственная улыбка.

— Что делать! Когда все торопятся — многие опаздывают. Ты не расстраивайся. У тебя еще все впереди. Сегодня что за разлука? До утра! Сними куртку. Денек-то какой! Ты только посмотри! — Жеррар дружески положил руку на плечо молодого спутника. — Наши старики большими умниками были. Втиснули между двумя летними месяцами день и нарекли его «Днем лета». Здорово! Для календаря хорошо, и людям приятно...

Им надо было попасть в поселок космонавтов, и сразу же за городской аркой Олег взялся за руль. Осторожно лавируя, вывел машину к обочине и свернул к съезду. Глейдер, шипя тормозами, скользнул по наклонной дуге съезда вниз, под путепровод.

Жеррар оглянулся на автостраду. По ее широкому полотну сплошным потоком неслись машины. Вырвавшись из городских теснин на простор магистрали, они все ускоряли и ускоряли свой бег-полет. Люди торопились на лесные поляны, в рощи, к рекам и озерам. Спешили к милым сердцу уголкам, чтобы с первыми звездами зажечь костры праздничной ночи в канун Дня лета — безмятежного праздника Человека и Природы.

А неожиданное уже было рядом...

«...Дорогой! Я не дождалась тебя, не сердись. Очень захотелось повидать нашего крошку. Подумать, два дня не видела его!

Знаю, в этом чудесном саду-интернате ему хорошо, но я, глупая, страшно скучаю. Оттуда уеду на дежурство, а утром заберу его и нагрянем к тебе. Надеюсь, к нашему приезду будет улов, и мы закатим пир.

Желаю веселого праздника!

Жди нас. Целую»,

Олег с улыбкой слушал голос жены. Все такая же по-девичьи увлекающаяся, беспокойная. В информаторе щелкнуло — запись кончилась.

Наскоро собравшись, Олег подошел к видеофону. Мысленно назвал номер. Прозвучал мелодичный звонок. В полусфере экрана в голубовато-зеленом сиянии появилось объемное изображение молодой женщины,

— Здравствуй, Елена!

Женщина приветливо кивнула головой и спросила:

— Что случилось?

— Хочу знать, какая завтра погода?

— На Марсе, в районе Большой станции? В экваториальной части Венеры?

— Что ты... Значительно ближе, скажем, в районе Жемчужного...

— А! Неугомонный рыболов!—рассмеялась женщина.— Завтра ведь День лета. И скорее реки потекут вспять, чем Служба погоды потерпит появление в недозволенном месте хотя бы крохотного облачка. Так что — ясное солнце, ноль ветра и никаких осадков.

Через четверть часа Олег был на летной площадке. Несколько минут ожидания у стартовой линии, и... вспыхнул зеленый глаз автодиспетчера, а под ним номер. Его машина! Олег включил двигатель.

Набрав высоту, он развернул «Стрекозу» и отдался радостному ощущению полета.

Олег любил полеты на «Стрекозе» — безотказном, спортивном электролете. За спиной тихо жужжит мотор и шумят такие же, как у живой стрекозы, прозрачные и длинные крылья. Машина, сверкая в алых лучах заходящего солнца, несется вперед. Но вести «Стрекозу» все же дело нелегкое — требуется и ловкость, и сила. Олег немного устал, когда, наконец, на фоне пламенеющего неба затемнела гребенка леса и засверкали огни базы.

Он опустился ниже. Навстречу понеслось кудрявое зеленое, острые вершины лесных великанов. Внезапно деревья расступились, и в темно-зеленой оправе блеснула широкая вода. Жемчужное! На противоположной стороне озера, высоко над лесом, поднималась башня, увенчанная круглой площадкой. Там приветливо мигали посадочные огоньки. Внизу белели здания, светились их окна. Давным-давно какой-то остряк назвал это сооружение «залеталовкой», и оно прижилось.

Сложив крылья «Стрекозы», Олег повел ее круто вниз, к центру посадочного круга.

На базе было шумно и весело. То и дело, приветствуя друг друга, встречались знакомые. Нагрузившись всем необходимым, Олег поспешил к выходу. На какую-то долю секунды задержал руку на пластине регистратора. Теперь, где бы он ни затерялся — в лесной глухомани, в буйных зарослях камыша или бесчисленных протоках озер, — его всегда разыщут. Без этого никто не покидал пределов базы.

Светало. Олег затушил костер и спустился к берегу.

Над озером клубился жидкий туман, вокруг стояла удивительная тишина. Оттолкнув от берега шаткую лодочку, Олег взялся за весло. Он плыл вдоль стены камыша, и с каждым взмахом весла ощущение безмятежного спокойствия, радости все полнее охватывало его. Там, где открывался широкий плес, ло-

дочка приткнулась к островку из листьев кувшинок и лилий. Через несколько секунд легкий поплавок лег рядом с сонной закрытой лилией. Через какое-то мгновение он крутнулся, стал вертикально и исчез. С похолодевшим сердцем Олег подсек. Вода забурлила, и, переливаясь золотом чешуи, тяжело вывернулась красноперка. Секунду рыба, чуть-чуть шевеля плавниками, покорно тянулась за поплавком, затем рванулась в сторону, натягивая до звона леску...

Сначала Олегу показалось, что кто-то из соседей-рыбаков окликнул его. Он недовольно огляделся. Что за чудак?..

«Олег Донцов! Олег Донцов! — на этот раз громко и явственно прозвучало, казалось, прямо над ним. — Вас срочно вызывают в институт. Вас срочно вызывают...»

Олег взглянул на диск наручной рации. Он светился. Прошло полминуты, и снова раздалось:

«Олег Донцов... Вас срочно...»

Он торопливо греб к берегу, а через каждые полминуты, вселяя все большую тревогу, звучали слова экстренного вызова.

БЕССОННАЯ НОЧЬ

Было за полночь. А сон, спасительный сон не шел. Недовольный собой, хмурый Георгий Павлович сидел в кресле. В слабо освещенном настольной лампой кабинете царил, на взгляд постороннего, невероятный хаос, а по мнению хозяина — высший творческий порядок. На столах, стульях, даже на полу лежали папки с рукописями, рулоны чертежей и книги. Книг было много — они были повсюду. На стеллажах, рядом с позолотой корешков поблескивали металлом и цветной пластмассой модели ракет и всевозможных механизмов. Под потолком, на том месте, где обычно находится люстра, висело чучело какой-то чудовищно безобразной птицы, отбрасывающей фантастическую

тень на огромную, во всю стену, звездную карту.

Сборник документов эпохи Великого Октября лежал на коленях нераскрытый. Георгий Павлович Гордеев — выдающийся астронавт, руководитель внешнего отдела Института космоса, был в то же время крупнейшим историком. И трудно сказать, в каком из этих двух так отдаленных друг от друга занятий был смысл его жизни.

Прошло около десяти лет, как по узкому трапу он сошел с космического корабля. Навсегда... А кажется, только вчера сидел в рубке и протягивал руку к кнопке с короткой, но полной огромного смысла надписью: «Старт». Всякое бывало. Дорогой ценой приходилось вырывать у Вселенной ее тайны. И в достигнутом — немалая доля его усилий, его труда. В звездном флоте до сих пор бытует название «Гордеевская эскадра». Попасть в эту эскадру молодому астронавту насколько почетно, настолько и трудно. «Гордеевцам» поручались самые ответственные, самые сложные задания. Они были первыми!

Сегодня он не будет гнать от себя воспоминания. Пусть тени былого входят и садятся рядом. Сегодня они имеют на это полное право. Но тому темному, тоскливому, что все чаще и чаще наваливается на него вечерами, нет места. Слишком вы, мадам старость, торопитесь предъявлять свои права!

Он поднялся с кресла, подобрал упавший томик и, ссутулясь, зашагал по кабинету. Внезапно остановился перед зеркалом и заглянул в его прозрачную глубину. Оттуда, горбясь, склонив набок голову с роскошной копной седых волос, пытливо всматривался в Гордеева высокий человек с умным и усталым лицом.

Гордеев провел рукой по бородке, обрамляющей его сухощавое лицо.

— Вы желаете что-то сказать! — спросил он свое изображение. — Понимаю... Нечего винить высокую ионизацию атмосферы, якобы дурно влияющую на настроение. Вы правы, друг мой. Дело не в высокой ионизации, а в том, — он взглянул на часы, — что через три минуты вы разменяете десятый десяток.

Десятый...

Тот, в зеркале, согласно наклонил голову.

Зашуршал механизм часов, и дважды прозвучал гонг.

— Два?! Вот вы и родились, уважаемый!

Гордеев и его двойник в зеркале церемонно поклонились друг другу.

Но тоскливое чувство, поселившееся где-то возле сердца, не уходило. Нет, сегодня ему в одиночестве не справиться!

Георгий Павлович прошел в коридор, снял с вешалки легкий плащ и открыл дверь на улицу...

В удивительной и неправдоподобной тишине пустынных улиц гулко звучали шаги. Незаметно для себя Гордеев вышел на площадь Человека. Куда теперь? Поднял голову и удивленно взметнул косматые брови.

По ту сторону площади, вспоров темноту неба, поднимался обелиск. Светлый, чистый, рвущийся ввысь, он звал, неудержимо влек к себе. И седой человек подчинился этому зову...

Георгий Павлович пересек, казалось, бесконечную площадь и остановился перед обелиском. Среди цветников покоился гигантский куб из неизвестного Гордееву легкого материала. В него врезалась светлая лестница, и шагать по ней было только бронзовому великану, что стоял на ее верхних ступенях. Дорогу вверх, к лучу-обелиску, преграждала мрачная глыба гранита. Она была уже наполовину разбита, расколота, а великан вновь заносил кайло для удара. Казалось, бронзовый человек вот-вот смахнет с лица росинки пота, двинет мускулами, и разнесется вокруг громовое эхо ударов.

На грани куба горели слова:

Вам, открывшим путь к коммунизму.

Вам, первым его строителям,

Вашему мужеству, Вашему труду.

Таял холодный ком у сердца, уходила гнетущая тяжесть.

Что ж, старость пугает его бессонницей, а он не примет этот удар! Он будет трудиться!

Гордеев взглянул на наручные часы-радиостанцию, припоминая вызов такси.

ВАХТА НА «УТРЕННЕЙ ЗВЕЗДЕ»

Припав к прохладному и упругому пластику, Мара всматривалась вниз. Темно, только полыхают зарева огней городов. Вздохнув, она выпрямилась и подошла к столику, привычно скользнула взглядом по приборам. Все в порядке.

«Утренняя звезда». Никто иначе и не называл эту лабораторию на суточном спутнике СПУ-124, висевшем строго над Институтом космоса. С «Утренней звезды» непрерывно велось наблюдение за далеко еще не прирученным космосом, за процессами в верхних слоях атмосферы, вызываемыми вторжением солнечного газа и космических излучений. Наблюдения вели приборы, а за ними не менее пристально и неотрывно наблюдали дежурные инженеры.

Запищал хронометр следящего механизма. Пора приступать к очередному обходу. Мара раскрыла вахтенный журнал и включила контрольные приборы. Невысокая, стройная, с тонкой талией, она уверенно скользила среди них. Если бы не замысловатая прическа, можно было подумать, что это мальчишка-подросток в ладно скроенном комбинезоне.

В СПУ-124 было тесно. Наряду со стационарными приборами здесь то и дело появлялись временные. Они испытывались и проверялись. Некоторые оставались тут же, но большинство, пройдя проверку и настройку, перекочевывало на другие спутники, космические корабли и планетные observa-

тории. Несмотря на полную автоматику, инструкция требовала от дежурного личного контроля за всеми приборами. Руководитель аналитического отдела шумный великан Азаров любил повторять: «Мы должны видеть каждую пылинку и слышать шепот звезд на расстоянии, по крайней мере, в пять парсеков. Это, конечно, дело автоматов, но соображать должны мы. Так что смотрите в оба и разумейте, что к чему».

Закончив обход, Мара захлопнула журнал и задумалась. Где сейчас Олег? Спит? Коротает ночь на берегу у костра или уже пробирается на лодке к заветному месту?

Не в пример некоторым своим приятельницам по лаборатории Мара любила эти ночные дежурства, но сегодня ей все же хотелось быть там, внизу. Убаюкать бы сынишку и, припав к плечу Олега, смотреть, как догорает костер, как плывет над землей такая ясная и такая короткая ночь. Плывет, щедро рассыпая свои чары. Три года назад вот в такую же ночь на лесной поляне, где юноши и девушки соревновались в ловкости, она впервые встретила Олега...

В размеренное и привычное пение приборов ворвался резкий посторонний звук. Мара вздрогнула от неожиданности. Сигналили с Земли. Запрашивали разрешение на подъем. Недоумевая, кто и зачем в такое время хочет попасть на «Утреннюю звезду», Мара посмотрела на приборы и дала разрешение.

Она видела, как далеко-далеко внизу сначала появились крохотные цветные огни «Паучка». Сверхскоростной подъемник, зажав направляющий трос в длинных членистых щупальцах, несся вверх со скоростью самолета. Вот совсем рядом сверкнули его бортовые огни, и он вскочил в ворота шлюзовой камеры.

— Здравствуйте, здравствуйте, инженер! — приветствовал Гордеев молодую женщину. — Можете не докладывать. Сам вижу, все в порядке. Так это вы, Мара, сегодня занимаете самый высокий пост на Земле? А я и не знал.

Мара уважала и любила Гордеева. С Олегом они нередко бывали у него, когда там по традиции собирались космонавты перед уходом в рейс или после возвращения из далекого странствования. За одним столом встречались убеленные сединами, меченные шрамами и ожогами ветераны, шумные первокурсники и совсем «зеленые», мечтающие об отличительных звездах покорителей Вселенной юнцы. Здесь радостно отмечали победы и искренне скорбели об утратах.

И сейчас Мара была рада появлению Гордеева. Ему совсем незачем извиняться за «вторжение». Она готова помочь — провести фотоспектральный анализ того, далекого созвездия.

— А знаете, Мара, — проговорил Гордеев, заполнив паспорт последней кассеты, — ведь мне только что стукнуло девяносто...

— Девяносто?!

Георгий Павлович взглянул на свою помощницу. Ее юное лицо выражало самые противоречивые чувства. Оно стало каким-то по-детски растерянным. Старик весело рассмеялся. Понятно, многовато, но он уверен, что Мара с Олегом свое столетие будут встречать со значительно высшим жизненным тонусом, чем сейчас у него. А когда-то и шестьдесят было много...

— Так я жду вас вечером. Олег разве не говорил? Если так, накажем: поскучает в самом дальнем углу... Вот и надейся на таких забывчивых помощников... — Георгий Павлович притворно разворчался.

Старый космонавт явно был в хорошем настроении. И Мара внезапно решилась.

— Георгий Павлович, почему вы всегда, всегда один?

Лицо Гордеева померкло. Ссутулясь больше обычного, он прошел к стене рубки. Восток полыхал, и отблеск надвигающегося дня отражался в глазах старика.

Мара готова была провалиться сквозь землю. Ох, это женское любопытство! Не зря во все времена, во все эпохи оно было мишенью для насмешек.

— Вы обратили внимание, — после, как показалось Маре, бесконечной паузы спросил Гордеев, — рассвет здесь совсем иной, чем там, внизу?

И сразу, не ожидая ответа смущенной женщины, заговорил:

— Почему один? Я понял вопрос, милая Мара. Кажется, вчера все это было... А ведь давным-давно! Да, странная штука человеческая память. Мне было немногим более двадцати, когда я встретил Лину. Она стала командиром «Ласточки». Этой первой маневровой космической лаборатории. Да, да... Вы не ошиблись. С большой автономностью.

Погожим апрельским днем «Ласточка» уходила в рейс. Солнце, голубое безмятежное небо, цветы, молодость и... расставание. По старинному обычаю мы накануне обручились. Простились на старте, с тем, чтобы после ее возвращения уже никогда не расставаться

Вы знаете из истории — «Ласточка» не вернулась. — Гордеев прошел вдоль стенда, легонько провел рукой по приборам. — С тех пор я один. Не получилось по-иному...

Да, Мара знала. С детства знала историю «Ласточки» и ее командира Лины Одены. Вскоре после того, как космическая лаборатория вышла в заданный район, на Землю стала поступать странная информация — то, что зарегистрировали ее локаторы. Никто не мог понять, что за цветной хаос клубится на экранах, что за писк и визг в радиэфоне. Решили — радиоэхо. Появилась даже версия, что «Ласточка» принимает передачу извне. Но откуда? Чью? Пока спорили и гадали, на «Ласточке» разобрались. Не радиосигналы из других миров это были. Нет. Космическая лаборатория принимала радиоэхо земного происхождения, но искаженное до неузнаваемости. Из глубин Вселенной с огромной скоростью надвигалось пылевидное облако. Оно отражало и коверкало передачу какой-то наземной радиостанции. Потом уже не так много потребовалось, чтобы определить, какая опасность грозит Земле. «Черная комета», — так назвали газетчики эту туманность, — пересекая солнечную систему, долж-

на была задеть нашу планету. На Земле старались сделать все, чтобы устранить опасность. Но человечество еще не было единым, и слишком много времени было потрачено на выработку согласованных действий. Истребительные ракеты не вылетели вовремя. Они опаздывали на сорок девять часов. И это могло стать роковым для человечества.

Лина Одена, пользуясь правом командира, приказала подругам покинуть «Ласточку» на автоматической ракете, а сама повела корабль навстречу опасности. Потом... Потом, развив предельную скорость, бросила «Ласточку» на «Черную комету» и взорвала корабль... Истребительные ракеты довершили начатое ею дело.

Тогда-то появилась мысль о запуске постоянных дальних спутников. Мало ли какие сюрпризы таит космос, да и развитие космонавтики требовало надежных маяков на межпланетных трассах.

Мара уже не слушала Гордеева. Все это она знала. Перед глазами встала гибнущая в жарком пламени чудовищного взрыва «Ласточка», брызги металла, разметанное в стороны что-то темное, бесформенное, и сквозь все это — внимательное строгое лицо девушки. Мара хорошо помнила портрет на столе ученого... Как он может спокойно говорить о «Лайках», об этих исполнительных, но бездушных автоматах? Они исправно фиксируют все, что видят и слышат в мире звезд, но что они могут рассказать о человеке?.. Что? Вот перед нею их экраны.

Мара подняла голову и почувствовала, что ей не хватает воздуха: на экранах первого и третьего спутника в странном хороде сплетались и плыли мутные оранжевые волны...

ПОСЛАНИЕ ИЗ ПРОШЛОГО

Совет заседал в кабинете информации. Уже это было необычным. Досадуя, что опоздал, и стараясь не шуметь, Олег пробрался к свободному месту и осмотрелся.

Ничего похожего на официальное заседание. Но присутствуют почти все члены Совета — все, кто к этому времени находился на Земле.

За длинным узким столом для подбора таблиц сидели Азаров и главный астронавигатор Торнау. Оба крупные, кряжистые. По сравнению с ними склонившийся над столом всегда задумчивый и рассеянный астрофизик Чандр Камачо казался мальчишкой. Здесь же и Жеррар. Напротив экранов в креслах — худой маленький астрохимик Чепик и женщины: Эллен Суперина, не по годам стройная, с гордой осанкой и буйными рыжеватыми волосами — геолог, звездный штурман и врач и, совсем юная, тоненькая, с чуть вздернутым носиком умница Ольга Доценко — конструктор, самый молодой член Совета.

Чуть в стороне поблескивали очки Орликова — молодого, но уже лысеющего руководителя геокосмического отдела. Энергетик академик Бирзин, грузный, с остренькой бородкой, сидел рядом со смуглым худощавым и застенчивым Морисом Дембе — чародеем радиоэлектроники.

Председатель Совета Жубин, коренастый, подвижный, чуть склонив набок голову, сидел за столиком заведующего лаборатории, а сам Гасанов, невысокий, черноволосый, стоял с Гордеевым возле пульта оператора.

В небольшом зале была удивительная тишина. Все внимательно всматривались в овалы экранов сопоставления. На обоих трепетали и извивались цветные волны. Они отличались только по яркости.

Олег наклонился к соседу — молодому биологу Томпсону, недавно появившемуся в институте. Тот пожал плечами:

— Похоже, предстоит веселенькое дело. Какая-то новая «Черная комета».

Олег оторопело посмотрел на Томпсона.

— А что?.. — забеспокоился биолог.

Экраны погасли. Жубин повернулся к присутствующим, привычным жестом поправил на переносице очки.

— Прошу...

— Цэ дило, как говорили в древности, трэба розжуваты. «Черная», «Зеленая» — неважно. Но что это вообще? — пробасил Гасанов. — Хотя «радиопочерки» «Черной кометы» и новой незнакомки очень схожи, но этого мало. Очень мало. Считаю: всю телеметрию — на уточнение природы этого явления. Тревогу поднимать пока нет оснований.

Один за другим высказывались члены Совета. Так или иначе, с мнением Гасанова согласились все. Упорно молчал один Гордеев. Это было странным и непонятным для Олега. Георгий Павлович для него — больше, чем учитель и руководитель, он — второй отец. И Олегу казалось, что он всегда хорошо понимал Гордеева. Но сейчас он терялся. Это так не похоже на старика: что-то, а равнодушие — не гордеевский стиль...

Жубин, многие годы летавший вместе с Гордеевым, лучше понимал своего заместителя.

— Тревоги поднимать не будем, — говорил он, — но готовиться ко всяким неожиданностям обязаны. Так, Георгий?

Но и теперь Гордеев промолчал. Жубин бросил на него через стекла очков косой взгляд и предложил:

— Единая программа изучения «гостыи» вступает в действие через пятнадцать минут. Уважаемый руководитель внешнего отдела пока воздерживается от высказывания своего мнения. Наверно, у него есть веские причины. Начнем!

Все поднялись.

Разговора не получилось. Георгий Павлович шагал размаши-

сто, стремительно, теребил бородку и молчал. Его хмурое лицо не располагало к разговору. У дверей кабинета Гордеев резко остановился. На миг в его глазах сверкнули лукавые искорки. Только на миг.

— Вот что, рыболов. «Гости из космоса» любят шутить с радиоволнами. Добейся, чтобы к 23 часам радиометристы просеяли, профильтровали, короче, привели все поступившие сигналы в первозданный вид. И пусть не тянут. Смогли же тогда, через два месяца, разобрать, что вся эта цветная муть, которую посылала нам «Черная комета», не что иное, как исковерканное эхо передач памирского радиоцентра. При теперешней технике на дешифровку и шести часов достаточно. И еще... — Гордеев внимательно взглянул на Олега, — просмотри записи «Ласточки». Подлинники. А меня нет и не будет. Всего хорошего! — Старый ученый довольно энергично захлопнул дверь кабинета, но тотчас же приоткрыл ее.

— Записи в шкафу номер одиннадцать. И в капсуле... Не укажешь, так и не найдете! Все!

Голова Георгия Павловича скрылась, дверь захлопнулась. На этот раз — надолго.

Вот она какая, капсула с «Ласточки». Ничем не отличается от теперешних. Тяжелая металлическая сигара. С такими Олегу приходилось иметь дело не раз. Но эта — с «Ласточки». Вот и три цветных кольца — опознавательные цвета — и надпись: «АКЛ-1» — автономная космическая лаборатория № 1.

С несвойственной ему робостью и тревожным любопытством Олег открыл капсулу. В пластмассовой коробке лежали ролики с микропленкой. Под роликами — толстая тетрадь. Олег бережно вытащил ее. На переплете поблескивало тиснение — эмблема звездного флота Икар. Бортовой журнал «Ласточки»! С бьющимся сердцем Олег открыл его. Перелистал. Записи от руки.

Их немного — сорок семь. Всего сорок семь суток жила «Ласточка».

Отложив в сторону журнал, Олег заглянул в глубь капсулы. Там что-то поблескивало. Ему пришлось повозиться, чтобы открыть дно капсулы. Он с удивлением рассматривал крохотный аппарат... Среди тонких механизмов, сплетений, проводников сверкал голубым огнем кристалл, стиснутый лапками зажимов. Никакого сомнения — перед ним довольно примитивный кристаллический фонограф, одна из первых моделей. Чей же голос хранит многие десятилетия этот кристалл? Какой рассказ, какие слова спрессованы в его светлых гранях?

Шелест и треск то громче, то слабее. Так минута за минутой. И когда Олег уже начал терять надежду, неожиданно громко и отчетливо прозвучал женский голос:

«...ничего непонятно. Ее щупальца охватили «Ласточку». Бушующая в недрах туманности радиобуря лишила нас связи с Землей. Почему вы медлите? Почему ракеты не выходят?»

Хаотический треск заглушил человеческий голос, но затем снова прорвалось:

«...это затормозит ее движение, сократит скорость почти на треть. Все рассчитано точно... Я верю в человечество, верю, что здравый смысл победит. И поэтому иду на это. Это мой долг Человека... Она уже рядом. Экран залила глухая темень. Ни искры, ни звездочки. Тридцать четыре часа назад на аварийной ракете Лида и Ирина покинули «Ласточку». Я осталась. Ты поймешь меня. Кто-то должен это сделать. Это — долг командира. Мое право.

Родной мой! Ты поймешь, почему я не вернулась. Через три минуты я отправлю этот кристалл и бортовой журнал в снаряде связи. Он уйдет на Землю. К тебе.

Еще минута. Снята пломба и вынут стопор красного рычага. Не упустить бы момент столкновения «Ласточки» с этой гадостью. Трудно. Не упустить... и вовремя потянуть рычаг. Какая радость! Сквозь кварц верхнего иллюминатора замерцали звез-

дочки. Я узнаю их. Мицар и Альп ар! Я дарю их тебе. Пусть это будут наши звезды. И пусть никто не обивается за это на меня. Так хочется жить... Так хочется, чтобы ты помнил меня. Их две. Ты посмотришь на них и вспомнишь, что была Лина. Она очень, очень любила тебя...»

Олег широко раскрытыми глазами всматривался в мерцающий кристалл. Несколько секунд длилась тишина. А потом комнату наполнили свист и рокот. Затем все перекрыл треск. И в этом треске потонул голос Лины Одены. Олег наклонился к самому кристаллу, он слышал ее голос, но слов уже не мог разобрать. Или голос ему чудился?

Вдруг кристалл брызнул ослепительным светом. Когда Олег открыл глаза, кристалл угасал, тихо и печально звеня.

«ЕЕ НЕТ»

В районе Большой марсианской обсерватории бушевала песчаная буря. Экран был закрыт рыжей, мятущейся пеленой. Напрасно оператор менял настройку: ничего, кроме потоков песка. Ничего не было и слышно.

— Безнадежно! — проворчал Гасанов, сердито щуря глаза. — Говорили говорю: неудачное выбрали место.

— Жаль, — Жубин вздохнул. — А как нужны их данные, как нужны! Садись, Гасанов. Подумаем...

Да, было над чем задуматься! С раннего утра программные машины давали задание за заданием, и, повинувшись им, шевелились усы зеркала и иглы антенн наземных постов, астролокаторных установок на Луне, Марсе, спутниках, на астромаяках Большой космической трассы, пересекающей всю солнечную систему. В лаборатории института шла невидимая и беззвучная работа машин информации. Миллионы поступивших и обработанных данных передавались дальше логическим маши-

нам, а уже те в двух-трех строках цифр или символов выдавали необходимые сведения людям. Но машины были не всеильны!

Большая часть станций очень скоро указала район источника сигналов. Однако некоторые станции с новейшей аппаратурой и самые дальние давали противоречивые сведения. К исходу дня фотометристы обнаружили и сфотографировали пылевидное облако. Оно было крошечным, а скорость его не соответствовала данным «Лаек». Все это было непонятно и вызвало горячие споры. Вот и сейчас Гасанов, словно не слыша Жубина, наседал на невозмутимого Жеррара.

— Нет, ты скажи, в чем дело? Почему такой разнобой? Если, кроме радиоэха этой крошки, и существует что-то еще, то где оно? Где? Где та, настоящая, «Черная комета»?..

— Да и в самом деле, — поднял от таблиц широкое лицо Азаров, — где ж она?

— Ее нет.

В дверях стоял Гордеев, возбужденный, сияющий.

Мгновенно наступила тишина. Провожаемый взглядами, Гордеев подошел к столу. Пригладил рукой серебристую шевелюру и повторил:

— Никакой «Черной кометы» нет.

— Объясни, — коротко бросил Жубин.

— Включите информатор.

Автомат говорил монотонно, без выражения, но четко произносил каждое слово:

— Согласно программе, дважды за восемь минут прекращалась работа всех радиостанций на Земле и в космосе. Зафиксировано только некоторое изменение характера сигналов извне, совпадающее по времени с прекращением работы радио. Вывод: пылевидное облако отражает не только радиосигнал земного происхождения. Существует второй источник радиосигналов, не контролируемый.

Результат дешифровки: диапазон сигналов извне соответствует межзвездному.

— Старая песня, — разочарованно прошептал Томпсон Олегу. — «Разговаривает» межзвездный водород. А я думал, что действительно что-то...

— Тихо! — зашипел на них Азаров.

После короткой паузы автомат продолжал:

— Результаты второй дешифровки: сигналы извне — чередование в определенном порядке коротких и длинных сигналов...

Жубин резким движением сбросил очки:

— Звукозапись!

В напряженной тишине, словно далекий стон, прозвучал прерывистый сигнал, и сразу же затрещала дробь посылок. Затем снова стонущий звук, и снова дробь.

Заскрипел голос автомата.

— Результат третьей дешифровки: сигналы извне соответствуют характеру радиосигналов передатчика звездолета «Победа-первая».

— Вот это да!.. — захохотал густой бас Азарова. — Это, я понимаю, новость.

Сумерки спустились на город. Праздник Лета заканчивался. Парки и улицы заполняли толпы людей. Звучали музыка, веселый смех. На экране зеленого театра струились потоки светомузыкального концерта.

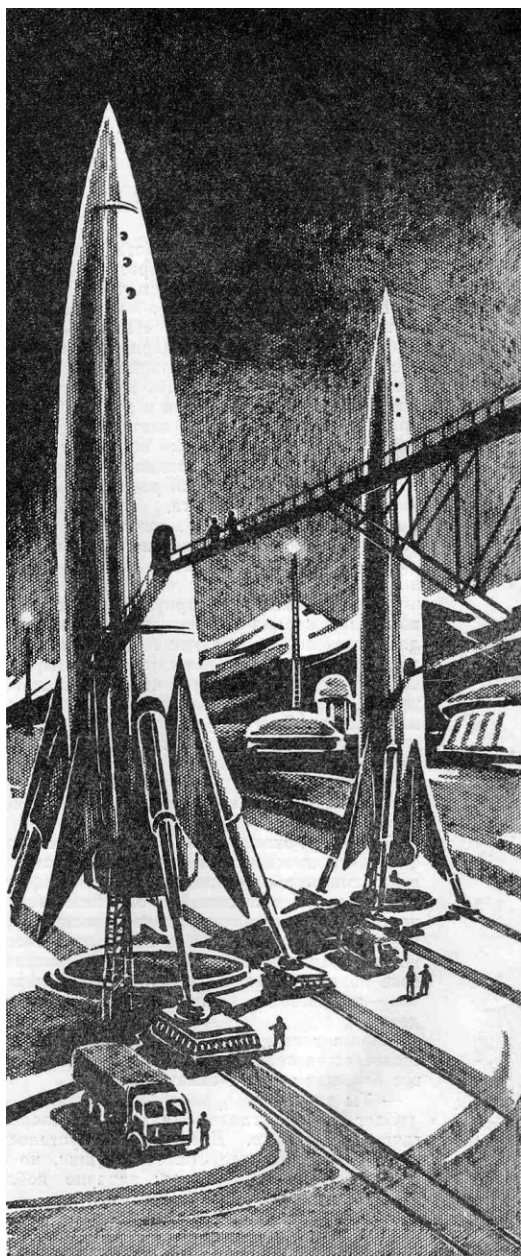
Вдруг все смолкло. Потом над скверами, улицами и площадями проплыл аккорд сигнала чрезвычайного сообщения. Первый, всегда несколько тревожный...

Над Домом связи зажегся, отбрасывая зеленоватое зарево на вечернее, еще совсем светлое небо, экран всемирной информации. В его сиянии появилась исполинская фигура Гордеева.

— Дорогие товарищи, друзья! Мне поручено сообщить всем жителям Земли следующее. Около семидесяти лет тому назад начался новый этап завоевания космоса. С лунного ракетодрома

стартовал и ушел в глубь Вселенной звездолет — фотонная ракета «Победа-первая».

Подчинив световой луч, человек получил возможность достигнуть других звездных систем. «Победа-первая» покинула Землю, имея на борту необходимые запасы энергетического вещества, конденсированного продовольствия и воды, многочисленные приборы и снаряжение. Корабль повели опытные астронавты: Виктор Донцов — командир, Андрей Перевощенко — инженер-ядерник и Крылов — инженер-электроник. Двигаясь в направлении к Альфа Центавра — ближайшей к нам звезде — корабль должен был через шестьсот суток возвратиться на Землю. Хотя скорость «Победы» была по сравнению со скоростями современных фотонных ракет, относительно невысокой, на Земле за это время должно было пройти около пятидесяти лет.

Звездолет не возвратился в установленный срок, и, когда исчезла всякая надежда, было объявлено о его гибели. Но люди

продолжали покорять космос. Через несколько лет вслед за первым звездолетом стартовали и другие. Во имя науки, во имя человечества новые экспедиции одна за другой уходили в глубь полного загадок и тайн звездного океана.

Ушло уже десять звездолетов. Пока ни один из них не возвратился. Но они вернуться на Землю, как возвращаются те, кого мы считали погибшими,— «Победа-первая...» Правда, некоторых из них дождутся только наши потомки.

Похоже, планета дрогнула от грома аплодисментов и восторженных возгласов. Видение над Домом связи на мгновение угасло. Когда голубое сияние снова вспыхнуло, в его лучах уже не было Гордеева. С высоты птичьего полета виднелся вечерний, сверкающий огнями Париж. Его кварталы и площади стремительно приближались. Показалась полная ликующих людей площадь. Затем засияло яркими красками освещенное мягким светом предзакатного солнца голубое море в центре Африканского континента. Все ближе и ближе белоснежные, в ярком одеянии тропической растительности улицы Солнечного города — мирового курорта. Повсюду люди с приветственно поднятыми руками.

Глубокая ночь опустилась над Америкой, однако гигантский парк «Флорида» до отказа был заполнен народом. Листья деревьев трепетали от ветра, поднятого приветственными взмахами.

В предрассветной мгле лежал среди безбрежного Тихого океана седьмой континент — детище человеческого разума и труда. Его центр — город Электрополис — не спал. Дружно гремели аплодисменты...

И снова над Домом связи на фоне звездного неба возникла фигура Гордеева. Он поднял руку, призывая к тишине.

— Да, друзья, «Победа-первая» возвращается. И мы готовимся к ее приему. У вас, конечно, много вопросов, но пока мы не можем на некоторые из них ответить. Мы не знаем, почему ракета не возвратилась вовремя. Мы не знаем, как объяснить то, что она появилась теперь, когда по расчетам, подтвержденным

практикой полетов в пределах нашей солнечной системы, на ней уже не должна была бы существовать жизнь? Мы пока не знаем, в каком состоянии космический корабль и его экипаж. Но скоро, очень скоро мы получим ответы на эти вопросы!

Седой человек с глазами юноши поднял руку в традиционном приветствии.

ДВА ЧАСА НА РАЗМЫШЛЕНИЯ

Еще никогда Олег не работал так напряженно. Выключив все аппараты связи, его бригада лист за листом рассматривала извлеченные из архива чертежи, объемистые папки с техническими данными «Победы-первой». До рези в глазах он всматривался в экран, где были изображены отдельные узлы ракеты. Снова и снова они садились к памятной машине. И машина, хранящая в своем электронном мозгу все данные о звездолете, обстоятельно отвечала на каждый вопрос.

Перед Олегом и его товарищами проходил весь путь создания первой радиоволновой ракеты — первого звездолета.

Сейчас, с вершины многолетнего опыта строительства звездолетов, им хорошо были видны и сильные и слабые стороны «Победы». Они восхищались смелостью и ясностью инженерной мысли, остроумным решением вопроса создания магнитных «контейнеров» для антивещества, тем, как была решена проблема строительства отражателя. Их изумило точное предвидение того, что только значительно позже подтвердилось практикой дальних полетов. Олег почувствовал даже зависть к тем, кто первый создал межзвездный корабль.

Но вот перевернута последняя страница последней папки с отчетом об испытательном полете...

Устало облокотившись на стол, Олег просматривал лежавшие перед ним карточки с длинными столбцами цифр. Цифры и

цифры... От них рябит в глазах. Все они бесстрастны, но точным языком говорят, что конструкторы успешно решили вопросы создания ракеты, но она, как и многие последующие космические корабли, имела существенный недостаток — приземление было довольно сложным делом.

Закрыв глаза, Олег стал припоминать обстоятельства аварий космических кораблей, и все большая тревога охватывала его.

— Ты спишь?

Олег открыл глаза. На него недовольно глядела Доценко. Девушка от усталости побледнела, заметнее стали веснушки, но ее голубые глаза по-прежнему задорно поблескивали.

— Спишь? — повторила она.

— Нет. Думаю... — Олег слегка постучал ладонями по объемистому тому отчета.

— О приземлении?

— Да.

— И я думаю. — Ольга вздохнула. — Думаю, думаю... Нельзя. Самостоятельно приземляться нельзя...

Олег не успел ответить девушке. Сигнал, оповещающий, что начинается очередное заседание Совета, болезненно отозвался в усталом мозгу. Вскочив, Олег стал торопливо собирать расчетные таблицы. Ольга поднялась, устало потянулась, достала зеркало, тихонько ахнула и поспешно вытащила пудреницу.

— Мда-а, — протянул Олег, глядя на старания Ольги, — значит, работать еще можешь. Порядок? Тогда пошли.

Едва все уселись, как Жубин молча кивнул Торнау. Главный астронавигатор говорил короткими рублеными фразами. Усталость сказывалась, и Олег плохо слушал Торнау, но главное понял. Уже ведется прием передач непосредственно с корабля. Правда, это пока все те же позывные. Но через несколько часов можно будет абсолютно точно определить траекторию «Победы-первой».

— Как будем принимать?

Олег, стряхнув навалившуюся дремоту, поднялся и коротко доложил.

— Что скажут «эфирники»?

Одернув свой безукоризненно аккуратный рабочий костюм, Жеррар приветливо кивнул Олегу.

— Донцов прав, — произнес он и сел на место.

— Коротко и ясно, — засмеялся Жубин. — Но придется решать необычную задачу, поэтому я все же прошу рассказать подробнее, как это будет выглядеть на деле.

— Можно, — снова поднялся Жеррар. — Управление полетами разных снарядов в атмосфере, в космосе при помощи электромагнитных полей и волн было осуществлено еще при запуске первых баллистических ракет и спутников. Уже в то время ученые и инженеры строили электромагнитные силовые туннели поразительной точности, протяженностью тысячи километров. Посредством направленных радиоволн создавалась упругая конструкция, как бы туннель из радиоволн. По этому узкому туннелю и направлялась ракета. Свернуть куда-либо она не могла — срабатывал автомат управления. Впоследствии эти сооружения из электромагнитных волн стали условно называться эфирными и использоваться не только для направления, но и как средство ускорения или торможения движения ракет.

Сейчас эфирные установки есть на всех ракетодомах. Действует широкая сеть постоянных эфирострад для пассажирских и грузовых ракет. Работает эфирострада Земля-Луна. По ней беспилотные ракеты снабжают лаборатории и рудники Луны всем необходимым и вывозят добываемые там руды. Вот через такой эфирный туннель, а вернее воронку, мы и будем принимать «Победу». Поставим воронку на пути «Победы». «Притянем» корабль к Земле, скорость его снизим до первой космической и выведем на круговую «посадочную» орбиту. Потом уже легко будет буксирными ракетами довершить дело. Донцов верно сказал, что необходимо такое эфирное сооружение по размерам

и мощности, какого мы еще никогда не делали. Поэтому очень важно быстрее определить траектории, а значит, и место для установки.

— Да, это важно... — Жубин задумчиво барабанил пальцами по столу. — Да... Прошу.

Гордеев встал и с неожиданной горячностью обратился к Жеррару.

— И это все? А если «Победа» не погасит субсветовую скорость? А если они пройдут вне досягаемости воронки? А если звездолет неуправляемый?! Что тогда?!

— Тогда я не знаю, что делать, — Жеррар развел руками. — Решайте.

Олег так и не помял, кто предложил дать два часа на «размышления». Кажется, это сделал Азаров. Он так и сказал: «На размышления».

С ним согласились.

Жубин попросил Олега задержаться. Повертев в руках зеленую карточку, он неодобрительно покачал головой.

— Жаль, жаль, но придется погулять и основательно. Ты понимаешь, о чем речь!

Еще бы не понимать! Достаточно было Олегу увидеть в руках Жубина эту карточку, перечеркнутую жирной черной полосой, как сердце у пего упало. Вмешался неутомимый и бдительный страж здоровья работников института — «электронный врач». И сейчас для Олега ничего на свете не было страшнее этого вмешательства. Каким-то противным деревянным голосом он спросил:

— И надолго?

— Три дня.

— Три дня?! — Олег даже задохнулся. — Да это же...

Жубин переглянулся с Гордеевым и проговорил как можно мягче:

— У всех работников нашей группы сильное переутомление, а у тебя особенно. Нужен отдых, надо же в конце концов, чтобы

ты на ногах встретил своего деда! Сообщили отцу, что возвращается Донцов-старший?

— Конечно, — ответил за Олега Гордеев. — Николай уже знает.

— Когда они возвратятся?

— Не скоро.

— Жаль, жаль. Ну что же, Донцова-старшего встретит его внук — Донцов — самый младший. Да, ничего не скажешь — самый младший. Сколько же сейчас Виктору?

— Если полностью подтвердятся расчеты... — пожал плечами Гордеев, — то ему сейчас 28 лет.

— А Николаю?

— Семьдесят восемь.

— Да, — покачал головой Председатель. — Сын старше отца на полсотни лет. Даже жутковато как-то. Что ж, Георгий, учитывая эти особенности, разрешим Донцову — самому младшему — приступить к работе, скажем, всего через двадцать четыре часа? А?

— Разрешим. Но, — Гордеев свирепо насупил брови, — чтобы эти двадцать четыре часа его и близко здесь не было.

СИГНАЛ БЕДСТВИЯ

Мара возвращалась домой на рассвете. Невидимый маляр уже провел светлой кистью по верхним этажам зданий, позолотив крыши. Опоясанный кольцом садов и парков, рассеченный ровными улицами-аллеями город-спутник еще спал. Первые несмелые солнечные лучи плутали среди листьев и не могли пробиться вниз, к газонам, наполняющим все вокруг ароматом цветов.

Мара любила часы рождения нового дня и сегодня, несмотря на утомление и волнение, не могла оставаться равнодушной.

Она склонилась к клумбе и провела рукой по цветам, холодным и влажным. Вчера поздно вечером Олег позвонил ей на «Утреннюю звезду», поделился своими огорчениями. Как он там?

Легкий ветерок теребил занавеску, шуршал, переворачивая листы раскрытой книги. Подложив под щеку ладонь, Олег спал, но едва слышались шаги Мары, открыл глаза.

— Это ты? — спросил он, протирая заспанные глаза. — Что нового?

Новостей было немного и плохие: «Победа» по-прежнему слала только позывные. Определена траектория — она не соответствует расчетной, и космический корабль пройдет вне досягаемости наземных средств.

Скрестив пальцы за спиной, Гордеев шагал из угла в угол. Шагал уже не один час. С кораблем неблагополучно. Это ясно, иначе не было бы такого отклонения от курса. Первоначальный план рухнул, и надо срочно, немедленно искать новое средство приземления «Победы». Но для этого нужно знать, что там, на звездолете. Знать. А он молчит. Еще на рассвете вошел в пределы уверенной связи и молчит. Одна за другой летят радиogramмы. Земля зовет, просит, умоляет ответить. Но в приемниках по-прежнему только монотонная дробь позывных...

«Они нас должны слышать, — сказал Гордееву усталый оператор. — Должны, Георгий Павлович, если...» — «Что если?...» — Гордеев взглянул на оператора. Тот промолчал. Но другие не молчат. Что если они правы: звездолет мертв? В пользу их мнения говорит многое, очень многое, а больше всего — молчание корабля.

Почему же они молчат? Неужели первые исследователи межзвездного пространства погибли? Неужели они, товарищи далекой юности — Виктор Донцов, всегда веселый, добродушный Андрейка Перевощенко, чернобровый умница Крылов испепе-

лены неведомыми лучами, застыли ледяными изваяниями в развороченном метеоритами корабле?

Перед глазами Георгия Павловича, как живое, встало видение тех лет: прощание, последние объятия, рукопожатия. Пассажирская ракета увозит космонавтов на лунный ракетодром, а они с Колькой, таким же светловолосым, как и отец, худеньким мальчуганом остаются на Земле. Насупив брови, Колька крепко сжимает руку Гордеева. В утреннем небе растаяла серебристая «пассажирка». Несколько лет тому назад мальчик лишился матери. Ирина Чернова погибла во время экспедиции в южно-полярную область Венеры. А теперь на очень долгие годы, а может быть, и навсегда он распростился с отцом...

Прошли, промчались эти долгие годы. И Колька стал Николаем Викторовичем — отважным и упрямым разгадывателем тайн звездного мира. Он без колебаний пошел дорогой отца...

Тихий шорох нарушил течение мыслей старого ученого. Гордеев поднял отяжелевшую за эти дни голову. Перед ним стоял Олег.

«Ну, вот и внук Виктора пожаловал, — он придиричиво, словно впервые, осматривал Олега. — Похож, ох, как похож на Виктора, пожалуй, только повыше и в плечах пошире, да лицо какое-то нежное, девичье. У Виктора мужественнее было».

По-своему поняв взгляд Гордеева, Олег протянул медкарточку. Зеленое поле было пересечено красной полосой.

— Скажи, пожалуйста, — проворчал Гордеев. — Сутки — и уже в норме! Молодость... Знакомься с последними данными, а я использую твой опыт — подремлю.

Но уснуть Гордееву не удалось. Прозвучал требовательный звонок видеофона, вспыхнул экран, и оператор связи, взъерошенный, взволнованный, торжествующе прокричал:

— Она говорит! Она вызывает нас!.. Включаю аппаратную!

— Что же это? Как же так? — Молодой радист растерянно

заглядывал в сосредоточенные, сразу потемневшие лица людей, сгрудившихся у аппаратной.

— Это, молодой человек, сигнал бедствия. Да, сигнал бедствия! — резко ответил Жубин и с преувеличенной тщательностью стал протирать очки.

Георгий Павлович стоял у окна. Пальцы его левой руки, лежащие на подоконнике, легонько шевелились.

Жубин закончил протирать очки и повернулся к членам Совета. Как всегда сухой, деловитый.

— Будем действовать... Ты, Азаров...

Он не договорил. Круглый глазок индикатора приемника, подмигивая, все ярче и ярче разгорался зеленоватым пламенем. Затем телеграфная дробь снова наполнила помещение..

Гордеев, откинув со лба седую прядь, поднял голову, а Жубин, предостерегающе вскинув палец, застыл на месте.

— Дополнительная передача с «Победы», — недоверчиво проворкотал он и, не дожидаясь дешифровки, стал читать вслух: — Переходите на связь по третьему каналу. Подготовьте экспресс-аппаратуру...

Олег впервые слышал сигнал бедствия из космоса. Но он понимал, что означает это короткое дополнение к стандартному сигналу автомата, и, как мог, объяснил Томпсону.

Разговаривая с Томпсоном, Олег с беспокойством наблюдал за Гордеевым. Он слышал возбужденный голос Азарова: «Мы еще повоюем!» и предупреждающий Жубина: «Все это так, но больших надежд возлагать не следует...»

Да, питать больших надежд не следует, но дополнительная передача — это уже светлая искорка. Что-то случилось, но люди «Победы» смогли еще вмешаться в передачу радиоавтомата, подготовить большую информацию — ведь экспресс-аппаратурой мелочей не сообщают. У них было время после того, как «это» произошло.

— Не будем ломать голову. Скоро услышим, — рассудительно ответил Томпсон на гадания Олега.

«ГОВОРIT ПЕРВАЯ ЗВЕЗДНАЯ»

Нетерпение Олега нарастало. Ему казалось, что операторы уж слишком придирчиво и чересчур медленно готовят станцию третьего канала. И чего копаются? Ведь все на ходу!

Но вот главный оператор сам сел за пульт, и никто не обратил внимания на это нарушение.

Олегу казалось, что он видит, как юркий сигнал-ключ, вырвавшись из лабиринтов передатчика и соскользнув с иглы антенны, несется сквозь холод и мрак, несется вперед и вперед. Где, когда, в какой точке беспредельного звездного океана найдет он своего адресата?

Кто-то громким шепотом спросил. Кажется, Бирзин, а может быть, Торнау? Они оба не могут говорить тихо.

— Видеопередача будет?

И кто-то ответил:

— Нет.

Светится шкала настройки. Тихонько поет прибор фонического контроля. Олег потерял счет времени. Ага, луч скользит по звездолету, замигал индикатор, заныло по-комариному. Луч ощупывает звездолет, ищет влитые в броню тарелки антенн третьего канала. Олегу хочется подсказать, он ведь хорошо знает, где они.

Писк прервался, и по шкале забегали световые линии, заиграли огоньки. Олег не понимал их языка, но было ясно: сигнал-ключ сделал свое дело, а дальше...

Среди звездного неба — корабль. Внутри — укрытая многослойной защитной скорлупой аварийная станция — комплекс памятной машины и передатчика ультрафиолетовых излучений. Она дремлет, храня в своем электромозгу все, что поручили люди передать людям. Сигнал-ключ, ударившись о приемные антенны, замкнет сначала первую цепь. Корабль заговорит, если в его жилых рубках хранится температура жизни. Нет — вклю-

чится вторая цепь, связанная с работой реакторов. Если и они мертвы, сигнал-ключ будет включать следующие цепи возбуждения. И если в корабле нет сил разбудить станцию третьего канала, Земле в этом поможет сам космос: свет звезд, космические излучения, межзвездный газ... Сохранилась бы только станция!

Звенит, звенит далекий колокольчик...

— Сработала! Первая!

— Ответил! Ответил, родной!.. — Азаров расплылся в счастливой улыбке.

— Я думаю, — впервые после того, как прозвучал сигнал бедствия с «Победы, заговорил Гордеев, — передачу следует дать открыто, по всему миру. Пусть слушают все. Неизвестно, какие еще задачи станут перед нами. Сто умов хорошо, а миллиард лучше.

И вот наконец — голос человека. Слабый, искаженный помехами и расстоянием, но голос. Увидев, как часто задыхал Георгий Павлович, Олег понял, кому принадлежит этот голос.

— Говорит первая звездная экспедиция Института космоса. Внеплановая передача. Через двадцать минут по ее окончании включайте экспресс-аппаратуру. Передача дублируется каждые шесть часов. Слушайте нас.

На пятьсот двадцать третьи сутки полета «Победа-первая» попала в поток тяжелых метеоритов необычного характера. Неизвестно, почему работа противометеоритной установки на этот раз оказалась неэффективной. Корабль получил серьезные повреждения. Уничтожена почти вся внешняя аппаратура. Выведены из строя фото- и термобатареи. Третий планетарный двигатель разрушен. Метеорит пробил броню в районе грузового отсека и пищевой лаборатории, проник в ангар и повредил посылную ракету...

Чем подробнее вырисовывалась картина повреждения, тем больше недоумевал Олег. Он лучше, чем многие из присутствующих, знал конструкцию «Победы». Слов нет, повреждения серьезные, но ничего опасного. Разбитые отсеки изолированы.

Вспомогательные двигатели необходимы для посадки, но можно обойтись и без них. Пищевая лаборатория разрушена, однако продовольственный НЗ вполне достаточен. Кроме фото- и термоисточников тока, на «Победе» мощная химическая батарея. В чем же дело?

Он слушал скупой рассказ, как в течение сорока суток три человека, не зная отдыха, резали искромсанный металл, заваривали пробоины, заменяли изуродованные приборы, поврежденное оборудование, пускали его в действие. Адская работа, но не это заставило слать горестный сигнал.

«Это» случилось на пятьсот шестьдесят четвертые сутки.

Звездолет проходил малоизученный район Н-2021, закрытый от наблюдений с Земли большим пылевидным облаком. Перещенко и Крылов работали снаружи, пытаясь восстановить правую фотобатарею. Виктор Донцов засел за приборы — уточнить курс. На экране обзорного локатора виднелось удивительно пустое и холодное небо, будто бы затянутое дымкой, безмерно далекие звезды. Странная, беспричинная тревога нахлынула на командира. Он настороженно всматривался в черную бездну.

Неожиданно локатор закапризничал, экран затуманился, и, сколько Донцов ни бился, ничего не получилось. Потом видимость так же внезапно восстановилась, и на экране появилось великолепное зрелище: тусклая троекратная звезда. Она была совсем рядом, занимала почти треть экрана. Троекратный «черный карлик». Никому еще не приходилось видеть такое. Донцов определил массу и принялся за спектральный анализ незнакомца. Взглянув на экран, он застыл пораженный: звезда изменила свой цвет, налилась зловещим огнем. Затем по экрану пошла розовая рябь, еще мгновение — и рябь превратилась в болезненно воспринимаемые искры. «Немедленно в корабль!» —скомандовал Донцов товарищам.

Тревожно засигналил «страж безопасности»: он предупредил, что неведомые излучения штурмуют броню звездолета. Стремительно возростала температура внешнего покрытия. Коман-

дир не отрывал взгляда от приборов. Какой из них подаст новый тревожный сигнал? Заныли компрессоры шлюзовой двери. Крылов, тяжело дыша, втащил потерявшего сознание Перевощенко.

— Как только они появились, я увеличил скорость, — прерывисто говорил Виктор Донцов. — Автоматы били тревогу. Излучения проникли внутрь. Сквозь пелену, застилавшую глаза, я увидел красный огонек индикатора командного автомата: корабль отклонился от курса, а этот умный прибор почему-то оказался бессильным внести исправления...

В динамиках выло, ухало и, как показалось Олегу, злорадно хохотало. Он взглянул на Гордеева. В блестящих глазах старого ученого прочел ответ на свой вопрос: нет, это не конец. Это еще не все.

Человек заговорил снова. И чувствовалось, как ему тяжело ворочать словами-глыбами.

— Я и Крылов находились в беспмятстве тридцать часов. Слабость. Дикая головная боль. Приняли тонизирующее. Перевощенко плох. Без сознания. Автоматы работают неуверенно. Включили ядерную лампу...

Перевощенко поместили в антиперегрузочную камеру. Скорость звездолета может быть погашена всего на пять десятых. Корабль приземлиться не может. Состояние Крылова продолжает быстро ухудшаться. Решено готовить экспресс-информатор.

— Все готово. Крылов также в камере. Засыпает. Принимайте меры к получению нашей информации. Много интересного, неожиданного. Мне надо... Используйте любую возможность приземления. Люблю...

Больше Виктор Донцов, командир звездолета, так и не заговорил.

— Созываем Большую Ассамблею, — нарушил тягостную тишину Жубин.

БОЛЬШАЯ АССАМБЛЕЯ

Большая Ассамблея! Чрезвычайное событие на Земле. Ее созывают, когда возникают проблемы, затрагивающие все человечество.

Эллен Суперина и Ольга Доценко не без умысла потащили с собой мрачного Олега. Осматривая главный зал Высшего Совета Экономики и Планирования, где вот-вот должна была начаться Большая Ассамблея, женщины проявляли повышенное любопытство, то и дело обращаясь к Олегу с вопросами, хотя он так же, как и они, был здесь впервые. Эскалатор центрального прохода, широкого, точно улица, поднял их на верхний ярус. Отсюда зал был похож на гигантский развернутый веер. Лучи-проходы пересекали дуги рядов рабочих мест, собирались далеко внизу, а одной точке — овальном возвышении с трибуной и столом.

Зал быстро заполнялся. В сфероидах экранов присутствия, вмонтированных в овал стен, одно за другим появлялись изображения тех, кто был далеко отсюда. Приближалось начало заседания, и астронавты поспешили к своим местам.

Три человека, среди которых Олег узнал Председателя Высшего Совета, поднялись к столу президиума. Туда пригласили и Жубина.

Мало, очень мало времени имели участники Ассамблеи для подготовки. Внезапно возникшую задачу надо было решить правильно и срочно. Жубин говорил короткими, скупыми фразами и, как показалось Олегу, уж очень беспристрастно к возникшим разногласиям по поводу приземления «Победы».

Мягкая, удивительно спокойная рука легла на руку Олега. Он поднял голову и встретил сочувственный и в то же время осуждающий взгляд больших карих глаз Суперины: «Надо слушать».

Жубин отвечал на вопросы. Их было много. Жубин отвечал, а на демонстрационном экране появлялись чертежи лучевой установки и радиоволновой ракеты «Мгновение», похожей на головастика, звездная карта, исполосованная линиями и спиралями схемы решения — как приблизить «Победу».

Кто-то спросил:

— Как же можно использовать «Мгновение», если недавно сообщали, что на подготовку его к рейсу необходимо еще десять месяцев?

— Для планового рейса да, — ответил Жубин. — Для погони за «Победой» достаточно и четырех дней — на подготовку энергетического вещества.

Когда Жубин, отвечая на другие вопросы, назвал цифру, обозначающую необходимое количество энергии для лучевой установки, в зале ахнули. Стало тихо. Очень тихо. И в этой давящей тишине мрачнели лица людей. Потом седая сухонькая женщина в скромном темном костюме не то спросила, не то подумала вслух:

— И все же для Виктора Донцова нет спасения?

— Да. — Председатель Совета космонавтов опустил голову. — По тем данным, которыми мы располагаем в эту минуту.

Больше вопросов не было.

— Неуправляемый звездолет, — снова поднялся Председатель, — пройдет вне досягаемости существующих средств принудительного приземления. Есть два предложения, как приземлить «Победу», — послать в погоню новейшую ракету или применить луч — луч тяготения. Ракета есть, лучевой установки еще нет. И в том и в другом случае Донцов, находящийся вне защитной камеры, — обречен. Надо решать. Пусть сторонники вариантов скажут свое слово.

Георгий Павлович протянул руку к белой кнопке на столе, и шторы обособления, выдвинувшиеся откуда-то снизу, отгородили его от зала. Олег увидел через полупрозрачные стенки, как Гордеев поднялся во весь рост, а затем там, внутри, стало темно.

Сработала радиооптическая система. Над левой трибуной появилась чуть сутуловатая фигура и копна седых волос. Над правой трибуной-экраном — широкие плечи Бирзина. Председатель вопросительно посмотрел на обоих. Гордеев кашлянул:

— Говори, Бирзин...

Тот согласно кивнул.

— Страшно сказать, но нет, нет ни одного варианта приземления, который бы сохранил жизнь Виктора Донцова. Нет... Зато возможно спасение других. Экипаж «Победы» выполнил свой долг. Можно сказать, ценой жизни они добыли новые знания. Они сделали больше, чем могли. И они не только добыли, но и передали нам это новое. Теперь наш черед выполнить свой долг перед ними. В чем он? Спасти их любой ценой? Нет!

Ольга Доценко слушала Бирзина с округлившимися, полными слез глазами и тихо качала головой, соглашаясь с доводами академика. Суперина взглянула на нее и рассерженно фыркнула.

— Может быть, — продолжал, теперь уже громохвая, Бирзин, — это странно слышать, но это так. Поэтому я за прыжок «Мгновения». Через семь месяцев собственного времени «Мгновение» догонит «Победу». Правда, очередная звездная экспедиция уйдет в рейс на несколько лет позже. Но какое это имеет значение, если возвратятся они через тысячелетия! Донцов обречен, но сон сохранит тех, кто сейчас лежит в противоперегрузочных камерах «Победы»...

Сигнал вызова вспыхнул раз, другой, и на стол легла фотограмма. Суперина пробежала ее лихорадочно блестящими глазами, и ее тонкая кисть потянулась к клавиатуре. На экранчике, вмонтированном в панель стола, появилось бледное, с упрямым подбородком, худощавое лицо пожилого мужчины. Это был Ланский, главный медицинский эксперт Ассамблеи. Он славился своей невозмутимостью и сейчас спокойно, даже холодно смотрел на взволнованную женщину. Эллен подняла фотограмму перед экранчиком так, чтобы Ланский мог ее прочитать.

С чувством удивления и растерянности слушал Олег Бир-

зина. Ведь прав. Спроси, например, его: что ценнее — жизнь или дело, ради которого живем, и он, не задумываясь, ответит: дело. И все же...

А Бирзин словно угадывал его мысли.

— Лучом, — продолжал он, — если он сработает, можно за несколько дней приземлить звездолет. Это полная гарантия спасения Перевощенко и Крылова. Но если бы они знали, во что это обойдется Земле, если бы они могли выразить свое мнение, то сказали бы: «Мы подождем...»

Сигнал председательствующего прервал Бирзина. Ланский попросил слова для внеочередного заявления. Ровным голосом он зачитал копию фотограммы. Той самой, что лежала перед Суперинной.

— Расшифрованы биозаписи из камеры Перевощенко, переданные в числе других сообщений экспресс-информации с «Победы». Заключение медицинской экспертизы: прогрессирующее падение частоты дыхания и биения сердца. Острая недостаточность кровоснабжения мозга начнется примерно через десять-двенадцать недель. В таком же состоянии и Крылов, может быть, только исход наступит несколько позже.

— Печально, — покачал головой Бирзин, когда Ланский сел. — Очень печально. Но я не сомневаюсь, что каждый из них сказал бы: лучше смерть, чем спасение ценой многих лишений на Земле. Это сказал бы каждый из нас! Каждый! Здесь называли цифру — потребность в электроэнергии для работы лучевой установки. Это почти столько, сколько израсходовано человечеством с того дня, когда зажглась первая электролампочка. Если бы можно было через два часа начать аккумулировать всю вырабатываемую на Земле электроэнергию, то, пожалуй, и успели бы накопить необходимое количество. Но это значит — шесть суток в холоде и темноте, без транспорта, без связи... Это на шесть суток остановить все заводы и фабрики, все машины на полях. Это — заморозить полярные области, превратить их в ледники и болота, погубить труд многих поколений. Человечество не толь-

ко будет отброшено назад, не только будет уничтожено созданное, но мы загубим и то, что предстоит сделать. К накоплению энергии мы сможем приступить в лучшем случае через сутки. Значит, придется забрать то, что накоплено для выполнения перспективных планов. Ну, хорошо, мы у себя в институте «заморозим» программу передачи на Марс лучистой энергии. Марс станет «жилой» планетой на двадцать-тридцать лет позже. Он подождет. А как другие? Как откажутся люди от того, чему отдана вся жизнь?! Вот почему я за «Мгновение»! Теперь пусть говорит Гордеев.

Олег даже не успел толком разобраться, что сказал Гордеев, как тот исчез.

— Мы имеем, — заговорил председательствующий, — данные о состоянии Перевощенко и Крылова и ничего не знаем о Донцове. Мы имеем, вернее будем иметь средства для приземления звездолета: лучевую установку тяготения и новейшую радиоволновую ракету. Луч может вступить в действие точно в нужное время; ракета — через двадцать часов после того, как «Победа» пройдет точку максимального сближения. Применение луча обеспечит безусловное спасение двух членов экипажа, но потребует неслыханных материальных затрат и лишений. «Мгновение» догонит «Победу» через двести дней собственного времени, и шансы на спасение Перевощенко и Крылова очень мизерные, но зато никаких осложнений на Земле. В том и другом случае научный материал первой звездной экспедиции люди получают, правда, при посылке «Мгновения» — через несколько десятилетий. Оба варианта приземления «Победы» обрекают на гибель ее командира.

Давайте решать: луч или ракета?

ЕЩЕ ОДНА БЕССОННАЯ НОЧЬ

Усталый, откинувшись в изнеможении на спинку кресла, сидел в своем кабинете Гордеев. Он слушал, как засыпает город. Но за открытыми окнами в синеве ночи не было тишины. Там что-то большое, живое ворочалось, дышало, невнятно бормотало.

Мысли Гордеева, словно спутники вокруг Земли, кружили и кружили вокруг тех гладких, обоснованных и убедительных фраз, обдуманных, но так и не сказанных с радиооптической трибуны на Ассамблее.

Тысячи глаз смотрели тогда на него, и он почувствовал: убеждать, уговаривать не надо. Поэтому, когда Бирзин почти выкрикнул: «Пусть теперь говорит Гордеев!», он сказал: «Верно, лучевая установка будет стоить колоссальных затрат. В этом Бирзин прав. В остальном — нет!» Теперь его мучили сомнения. Может быть, следовало полнее рассказать о последствиях «электрического голода», который Земля должна испытать, начиная с сегодняшнего утра, если...

Большая Ассамблея сказала «да» гравитационно-лучевой установке, но решила до шести утра первого восточного времени провести всенародный опрос: что скажут жители планеты?

Георгий Павлович поднялся с кресла. Действовать, не теряя ни одной минуты! Рука Земли должна быть вовремя протянута на помощь звездолету. Могучей, но бережной хваткой возьмет она космический корабль и поведет к Земле...

А Виктор?

Как будто что-то оборвалось внутри, и ледяной холод резанул по сердцу. Гордеев застонал. Покачиваясь, он подошел к окну. Жадно вдохнул прохладный воздух. В пейзаже ночного города было что-то непривычное. Чего-то не хватало. Чего?

Раздался негромкий звонок видеофона, и Жубин спросил:
—Можно?

— Да, конечно!

Очки Жубина сердито поблескивали.

— Через час Жеррар заканчивает рабочие чертежи. Принципиальная схема размещения точек тоже будет готова. Работы уйма. Посмотри почту. И поспи до шести. Ну, ладно, ладно. До рассвета.

Под прозрачной крышкой почтового отсека стола лежала кипа фотограмм. Доставая их, Гордеев подумал, что пора заводить рабочие столы такие, как в Главном зале Совета Планирования и Экономике. Там в столе смонтирован комплекс всех новейших видов связи.

«...Прежде всего выяснить, что с командиром корабля?»

«Спаси космонавтов любой ценой...»

«Что с Донцовым? Это задача № 1».

Да, это главная задача. От ее решения зависит очень многое. Будь на «Победе» современная информационная аппаратура — давно бы все было ясно. Гордеев помрачнел. Вспомнились неумные упреки: зачем на такой примитивной ракете отправили людей. Но разве то, что сегодня вершина, завтра не будет пройденным этапом?!

А вот фотокопия листка из ученической тетради. Тщательно, по всем правилам выведены буквы. Гордеев читает, и глаза его теплеют, слабеют тиски, сжимающие сердце...

«...Мы слушали передачу о звездолете. Наше звено «Искатели» из пионерского лагеря «Алмаз» решило с сегодняшнего дня не пользоваться электроприборами и всю сэкономленную энергию направить на спасение космонавтов. С утра начнем заготавливать для кухни дрова, только не знаем, как это делать. Наш вожатый тоже этого не знает. Кроме того, Лида не будет участвовать в радиосоревновании, а Коля и Рубен — в гонках электроходов. Очень просим сообщить, куда сдать аккумуляторы...»

Милая курносая пионерия! Ваша помощь не будет отвергнута. Неплохо начинаете, юные искатели!

Снова звякнули позывные, и незнакомый голос попросил разрешения «войти».

Они сидят друг против друга: Гордеев и такой же седой, но невысокий, сухощавый человек в белом, легком костюме. Молчат, дружелюбно поглядывая один на другого. Два исследователя, два мечтателя! Их дороги в науке шли рядом, часто переплетаясь. Они хорошо знают друг друга, но ни разу за всю жизнь не встречались, кроме как на экранах видеоаппаратов.

Гость помолчал, скрестив тонкие длинные пальцы. Потом, твердо взглянув в глаза Гордеева, проговорил:

— Возьмите накопленное мной.

Гордеев отрицательно покачал головой.

— Возьмите, — настойчиво повторил гость.

— Нет! — поднялся Гордеев. — Еще раз нет! Это невозможно. Отказаться от создания кольцевого зеркала вокруг Земли, которое отражало бы на нее потоки солнечной энергии, напрасно рассеивающейся в космосе, от полной власти над холодом и теплом, от коренного преобразования жизни на планете? Нет!..

— Сядь. Я плохо тебя вижу. Ни от чего не надо отказываться. Все это будет.

— Когда?

— Несколько позднее...

— Ты отдал этому жизнь. Накоплено необходимое для великого эксперимента количество энергии. Ты можешь уже строить тепловое зеркало...

— Через год...

— А если отдать энергию?

— Дело завершат другие. Сочтемся славою, как сказал великий поэт прошлого. Посадку пальм в Мирном начнем несколько позднее. Не спорь. Мы все сказали «да».

— Еще ведь не решено, — сделал последнюю попытку Гордеев.

Гость укоризненно посмотрел на него и поднял сложенные в прощальном приветствии руки.

Растаяла, исчезла холодная пустота около сердца. Гордеев снова подошел к окну и замер. За ним был чужой, незнакомый мир. Смутная догадка блеснула слабой искоркой, так и не успев разогнать мрак неизвестности. Гордеева снова вызвали.

На этот раз на экране была Эллен Суперина. Освещенные дрожащим красноватым светом, ее волосы отсвечивали червонным золотом. Гордеев недоуменно смотрел на пляшущие тени. Заметив его взгляд, Суперина засмеялась.

— Это, профессор, древняя вещь — некоптящая коптилка. — Она снова весело рассмеялась. — Мы с мужем открыли их производство. Снабжаем соседей. Он придумал какое-то адское горючее. Если до утра не взлетим на воздух, то еще побываю в следующей экспедиции.

— Как вы говорите? Коптилка?.. А ток?

— Ток! — Женщина озорно, по-мальчишески свистнула. — Давно все выключили. Решили, что это самый лучший вид голосования.

— Так вот оно что! Города гасят огни... Да, города гасят огни!.. Огни гаснут...

— Простите, Георгий Павлович, — мягко прервала Эллен. — Я к вам по делу. На «Победе» все рубки радиофицированы?

— Да. А что?

— Кажется, можно выяснить, что с Виктором Донцовым. Я уже посоветовалась с Ланским. Он крупнейший специалист в звукотерапии. Понимаете, если Донцов жив, то сердце работает, стучит...

СЕРДЦЕ СТУЧИТ

Сердце стучало. Тяжело, прерывисто, еле-еле слышно, но стучало. Слабые удары, усиленные приемником, были отчетливо слышны. Нехитрый прибор указывал направление, откуда зву-

чали эти удары. Даже не глядя на чертежи, Гордеев знал: сердце Виктора стучит у штурманского столика. Не надо быть специалистом-кардиологом, чтобы понять, как тяжело этому сердцу.

То, что командир корабля жив, радовало и тревожило. Живы все. Но как всех спасти? Чудовищная перегрузка в момент действия луча убьет Донцова. Послать «Мгновение»? Дождутся ли там? Что делать? Научно-техническая проблема тесно слилась с человеческой драмой, встала во весь рост задачей грозной и неумолимой. Мир отдал в их распоряжение все.

Жубин вздохнул и посмотрел в сторону Ланского и Суперинны. Что-то долго они возьмется у своего аппарата.

Ланский, наконец, снял наушники.

— Скверно, — обвел он взглядом всех присутствующих. — Очень скверно. Донцов продержится десять-пятнадцать суток. Что делать? Единственное спасение — искусственный сон. Но как это осуществить?!

Говорящие часы сообщили время, прервав невеселое молчание, наступившее после слов Ланского.

— Что ж, — проговорил Жубин, — будем продолжать программу. Будем готовить «Мгновение» и строить гравитационно-лучевую установку. И искать, настойчиво искать средства спасения Донцова... Жеррар, докладывай!

Сообщение руководителя космических сооружений было коротким. Определены места для трех лучевых установок. Первая — главная. Ее луч встречает звездолет на подходе, тянет его на себя, притормаживает и передает лучу второй станции, а тот — третьей. Звездолет должен выйти на крутую спираль, с каждым ее витком теряя скорость и приближаясь к Земле. Когда скорость упадет до первой космической, корабль выведут на круговую посадочную орбиту. Дальше просто.

Жеррар развернул крупномасштабную карту побережья Балтийского моря. На ней между двух заливов был аккуратно очерчен красный кружок. Жеррар ткнул в него пальцем.

— Здесь первая.

— Повезло, — проговорил Азаров. — Еще немного, и пришлось бы вести строительство в море.

— Да, — согласился Жеррар. — Здесь же главный пост управления.

С шумом распахнулась дверь, и появился взъерошенный Торнау. Главный астронавигатор был взволнован.

— Потрясающе, невероятно! — еще с порога закричал он. Увидев развернутую карту и сосредоточенные лица, заговорил потише.

— Интереснейшие данные первых расшифрованных передач с «Победы». Они потеряли год! Мы тщательно сверили счет времени звездолета: расчетного и зависимого. Все точно, все правильно, а триста шестьдесят земных суток — как ни бывало. Представляете, — глаза Торнау блестели, — какие великолепные данные по физической природе времени получим мы, когда заглянем в корабль!

Гри человека не слышали восторженных слов главного космонавигатора. Гордеев сидел, углубившись в свои думы, а раскрасневшаяся Эллен что-то доказывала внимательно и в то же время недоверчиво на нее смотревшему Ланскому. Наконец тот согласно кивнул головой.

— Прошу внимания! — Суперина постучала по столу. — Когда будет видеосвязь с «Победой»?

— Ждем с минуты на минуту, — ответил Гасанов. — Делаем все возможное. Со станций на Марсе и Луне заведены дополнительно остронаправленные антенны.

— Тогда... — Эллен глубоко вздохнула, будто собиралась кинуться в воду. — Тогда сделаем следующее...

РАКЕТОПЛАН ИДЕТ НА ЗАПАД

Олег и Морис Дембе получили задание. Оно было предельно ясным, но нелегким: в жесткие сроки смонтировать по совершенно новой схеме центральный пост управления лучевыми установками. Смонтировать без единой ошибки сложное, как человеческий мозг, координационное устройство. На опробование и проверку времени не оставалось. «Не забывать, ни на минуту не забывать, что в нашем распоряжении очень мало времени, — сказал им Жубин. — Если хоть на секунду опоздаем, можем все потерять, все...»

Неторопливый ракетоплан поднялся с площадки и взял курс на запад, к месту строительства. Земля внизу лежала в глубокой темноте. Олег включил видиолу.

— ...Во всех районах, которым угрожает похолодание, — говорил диктор, — начата массовая эвакуация населения.

На экране появились кадры: над зеленовато-голубым простором океана тысячи летательных аппаратов шли сомкнутым строем.

— Электро- и ракетолеты, — продолжал диктор, — спешат в кратчайший срок осуществить все перевозки. Наземный транспорт уже остановился.

На голубой скатерти моря белоснежный гигант — электролайнер. За ним не тянется пенистый след. Вокруг корабля кружат десятки вертолетов. Такие же вертолеты опускаются рядом с широким железнодорожным полотном, возле вагонов с табличками: «Мадрид — Ханой».

— Вы видите? Вертолет спешит доставить пассажиров к месту назначения!

На экране, сменяя друг друга, замелькали кадры: безжизненный заводской цех, неподвижные станки и автоматы.

Уже остановились станки многих заводов, фабрик, метал-

лурги спешат завершить плавку и погасить печи... А вот, смотрите, как торопится холод хотя бы ненадолго вернуть свою власть.

В рамке экрана припорошенное снегом поле. Метет поземка. Но снег еще не замел зелень деревьев. Среди листьев золотистые апельсины, розовые яблоки, янтарные сливы. Чуть в стороне, на заснеженном поле, словно капли крови, грозди зрелых помидоров.

— Но, — звучит голос невидимого диктора, — пройдет несколько дней, и сюда снова вернется лето. Край оживет, как оживут заводы, транспорт, магистрали, города... А пока — все на космос, все для спасения людей.

На экране появились плотины гидроэлектростанций, мощные турбины термоядерных установок, кабели морских термо- и колебательных станций, серебристые шары ветрогенераторов и острые иглы грозопреобразовательных установок, зеркальные соты солнечных батарей. А вот шумная, веселая детвора высаживается в кабинах и салонах ракетопланов, и снова армады воздушных кораблей в полете. Диктор начал перечислять пункты, где уже закончена эвакуация населения и куда люди доставлены.

Из-под верхнего среза рамки экрана показались кварталы Минска. Потом экран перекрыла серая полоса. И тотчас же прозвучало: «Внимание! На трассе от Молодечно до Вильнюса внеочередной перегон дождевых облаков в южном направлении. Нижняя граница потока — 1500 метров, верхняя — 2500; плотность — 2,8, скорость — 12».

Пилот перевел взгляд на полусферу экрана горизонтального видения. Чисто... Прошла минута, вторая... Появилась и стала стремительно нарастать серая стена. Пилот, слегка откинувшись на спинку кресла, повел машину вверх.

Занятый своими мыслями, Олег почувствовал, как тяжелеет и вдавливается в сиденье его тело. Стрелка высотомера дрогнула и пошла вверх: 2,0; 2,3; 2,7; 3,5 — только на цифре 4,0 замерла.

Под крыльями машины мутно-серый поток свирепо бурлил и стремительно несся куда-то. И оттого, что был он сплошь серым, без веселых белых бурунов, он казался холодным и тяжелым.

Сидевший рядом Дембе увлекался метеорологией и сейчас, торопливо жестикулируя, принялся пояснять Олегу.

Вот уже около полсотни лет служба погоды собирает в районе Норвежского моря необозримые стада дождевых туч, концентрирует их и затем перебрасывает в виде вот такого потока туда, где возникает необходимость во влаге.

— Вы слышали цифры? Они означают, что в этом потоке дождевых облаков концентрация влаги в 2,3 раза выше, чем в самой плотной природной туче, и несется он куда-то на юг с ураганной скоростью.

— Но как направляется этот поток?

— Для этого используются специальные вертолеты. Да вот они!

Там, где поток круто обрывался и за ним виднелась, вернее, угадывалась поверхность земли, висел «погонщик туч» — небольшой красный вертолет с тремя длинными иглами антенн. Он слегка покачивался. Казалось, будто шевелится какой-то веселый усатый жучок. На концах игл плясали голубые короны электрических разрядов.

Через несколько минут машина сбавила скорость и, развернувшись, скользнула вниз. Промелькнули вздыбившаяся полоса косы с темными пятнами леса и светлыми песчаными откосами, перерезанная у самого основания широкой двойной лентой канала, далеко выдававшийся в море узкий мол с маяком и ровная, как стрела, со шлюзовыми сооружениями дамба, протянувшаяся через залив.

Олегу не приходилось бывать здесь, но он знал, что небольшая часть залива, отгороженная дамбой и соединенная каналом с морем, — гавань рыболовецкого флота. И сейчас у причалов виднелись суда, а светлое зеркало гавани бороздили ка-

тера и буксиры, оставляя за собой волнистые следы. За дамбой, настолько хватал глаз, лежала спокойная, ничем не потревоженная гладь — акватория рыбоводческого заповедника.

РОБОТЫ ШТУРМУЮТ ВРЕМЯ

Автокар доставил прибывших прямо к центральному посту и сразу же, развернувшись, ушел обратно.

Олег опустил на песок дорожный чемоданчик и огляделся. Центральный пост был очень похож на гриб: ножка — невысокое легкое здание цилиндрической формы, шляпка — большой полупрозрачный колпак изоляции. Поодаль, над рощей, виднелась башня электрорелейного приемника. На игле, венчающей вершину башни, еще мигал огонек предупреждения. Где-то там, у основания башни, находилась самая мощная в мире трансформаторная станция. Это от нее, извиваясь, тянулись по песку толстые силовые кабели.

Один кабель заворачивал к холму, над которым поднималась нацеленная в небо решетчатая чаша эфирной установки, второй — круто обегал здание центрального поста, тянулся к квадратной бетонной площадке, где шел монтаж гравитационной установки.

Там кипела работа. Натужно выли моторы, вспыхивали и гасли сигнальные огни, то и дело завывали сирены. Соблюдая точные интервалы, яростно шипя, рядом с монтажной площадкой опускались грузовые вертолеты и, как только они замирали в полутора-двух метрах от земли, распахивались люки. На землю опускались тяжелые ящики. Их принимали на свои железные плечи роботы-грузчики. Они ловко расставляли ящики, сортировали их и передавали дальше на площадку.

В ослепительных вспышках, отбрасывая изломанные тени, сновали стрелы кранов, взлетали «руки» подъемников, юркие

безмоторные строительные вертолеты, подпрыгивая, цепко зажимали в своих «клювах» детали или целые узлы.

Над площадкой, опираясь на три тяжелые и массивные ноги, высилось тело гравитационной пушки — ажурный цилиндр высотой в несколько сот метров. Внизу он заканчивался тремя кольцами из прозрачной зеленоватой пластмассы, каждое — в несколько этажей. Там, внутри, мелькали листы металла, укладывались жгуты кабелей, шел монтаж конденсаторов тяготения. Копошились монтажники и на ребристом стержне излучателя, поднимавшемся над конденсаторами.

Олег был знаком с антигравитационными установками для создания поля невесомости в космических кораблях во время взлетов или торможений. Но здесь было совсем другое. Невероятными темпами создавалась машина, способная сосредоточить в одной точке колоссальную энергию и бросить ее узким лучом в глубь Вселенной на многие миллионы километров. Эта протянутая в космос рука Земли должна обладать чудовищной силой, способной своей метровой хваткой раздавить броню звездолета. Да... расчеты должны быть точными...

Олег взглянул на часы. Еще есть несколько свободных минут. На невысокой платформе за пультом стоял седой человек со смуглым подвижным лицом. Заглянув через плечо человека, Олег увидел в центре пульта среди приборов светящийся прямоугольник монтажной схемы. По нему ползли, перекрещиваясь и разбегаясь, цветные линии. С каждой секундой они все гуще, все плотнее заполняли прямоугольник — все больше агрегатов и механизмов сигнализировало о готовности.

На площадке трудились юркие четверорукие роботы-монтажники, больше, чем какие-либо другие похожие на людей. Олег не раз любовался их четкой, изумительно быстрой работой, но такого высокого темпа ему еще не приходилось видеть. Там, где минуту назад из пластилитового пола, расчерченного на пронумерованные квадраты, прямоугольники, ромбы, круги, выглядывали только концы цветных кабелей, на его глазах появля-

лись готовые к работе узлы.

Рабочий-оператор не обращал внимания на Олега, весь поглощенный делом. Не поднимая головы от панели, одной рукой он виртуозно манипулировал на многочисленных кнопках, другой — как бы дирижировал над экраном импульсприемника.

Олег уже собрался уходить, когда с площадки донесся неприятный металлический звук. Оператор торопливо поднял левую руку вверх. Так он стоял, пока мимо платформы не прошагали плотным строем, по четыре в ряд, около двух десятков роботов. Потом выкатился автокар. На нем лежали, тускло отсвечивая металлом и пластмассой, неподвижные роботы.

— Сгорели, бедняги! — услышал Олег вздох рядом и, обернувшись, увидел возле себя незаметно когда появившегося человека. Заложив руки в карманы комбинезона, тот смотрел на приближающийся автокар. Повинуясь движению руки человека, автокар остановился.

— Горят, беспощадно горят, — пробормотал человек, внимательно осматривая и ощупывая роботы, заглядывая в потускневшие объективы их светореакторов. И сколько в его голосе слышалось сострадания и любви, словно перед ним были не тела бездушных механизмов, а живые существа.

— «Мальчикам» дали тройную нагрузку, — сказал он, когда автокар двинулся дальше. — И вот многие не выдерживают. Устают и гибнут. Но ничего не поделаешь. Снизить напряжение не успеем. За три часа пало около двух тысяч. Что ж, у них завидная смерть — машины гибнут во имя спасения человека. Вы Донцов? Только что получили радиограмму. Срок готовности установки сократили еще на четыре часа!

Мимо снова прошла группа роботов. Они, словно солдаты далеких времен, спешили к месту сражения, сражения человека с его беспощадным и извечным врагом — временем.

С опозданием на четыре минуты все работы были окончены. Но упрекнуть в чем-либо себя или своих товарищей Олег не мог. Без лишних слов, строго рассчитанными движениями вели

они свою сложную работу. Тут были бессильны даже самые совершенные роботы. Когда последний электронный механизм встал на место и пульт был подключен в сеть, Олег в полной мере ощутил, что такое ответственность. Он пережил приступ запоздалого страха: «А что, если бы не успели...»

«ТЫ ВЫПОЛНИШЬ СВОЙ ДОЛГ»

Олег с удовольствием смотрел на готовый к действию блок. Мудрая машина, объединившая автоматы управления гравитационными и эфирными установками, энергоснабжением, расчетный астронавигационный прибор и следящий прибор, занимала не так уж много места в небольшом помещении поста. Матово отсвечивал кожух блока, на приборах, цветных кнопках и клавишах контрольно-пусковой панели играли солнечные блики.

Еще несколько минут назад Олег, занятый работой, требующей чудовищного напряжения ума и полной сосредоточенности, ничего не видел и не слышал, кроме хронометра. А сейчас беспокойная мысль снова засверлила мозг: почему готовность перенесли на четыре часа вперед?

Из коротких реплик, которыми обменивались члены Совета, сгрудившиеся у небольшого экрана станции специальной связи, Олег понял немного: с «Победой» установлена видеосвязь, и на нее возлагаются какие-то особые надежды. Он пробрался поближе к Гордееву.

— Пора бы, — ворчал Азаров, — копаются... Ага! Идет!

Изображение было четким, хотя временами набегали какие-то туманные волны. Однако понять что-либо было невозможно. Олег скорее догадался, чем увидел, что перед ним рубка «Победы». Все на экране, словно в кривом зеркале, было искажено,

вытянуто по вертикали. Сказывался эффект замедленности времени на «Победе».

— Если не сработает «конвертер времени», — воскликнула Суперина, — у нас ничего не получится!

— Сработает! — успокоил ее Гасанов. — Быть иначе не может. Над этим преобразователем передач из мира замедленного времени трудились крупнейшие хронофизики и мастера радиоэлектроники.

Через минуту все могли убедиться в правоте слов Гасанова. Изображение, хотя и дрожало, но стало нормальным.

Рубка «Победы» не отличалась от рубок других космических кораблей. Небольшое овальное помещение было заполнено различными приборами. Неяркий свет освещал приборную панель, массивный куб электронно-расчетной машины — командный автомат, полукруглый пульт, около него — пустое кресло. По сторонам пульта виднелись погасшие экраны локаторов, прямо — огромная полусфера объемной карты Вселенной. Она действовала: на темном небе светились созвездия, а в перекрестии прибора ориентировки — прибора его, Гордеева, конструкции, притушенная светофильтром крупная звезда — Солнце! Чуть в стороне от курсовой линии еле заметно рыскала голубоватая звездочка — Земля.

Телеглаз повел в сторону, и мгновенно оборвался шепот. За штурманским столиком, навалившись грудью и упав лицом на линейку курсографа, сидел человек в летном костюме. Одна рука его безжизненно свисала. Гордеев не мог оторвать взгляда от этой руки.

Экран погас и снова засветился.

Тесное, похожее на трубу помещение. Опутанные спиральями проводов громоздятся на гидравлических опорах противоперегрузочные камеры. В смотровых окнах дрожат стрелки, слабо пульсируют огоньки. Там, внутри, теплится жизнь. Створки третьей камеры распахнуты, механизм включения на подлокотнике лежака — в пусковом положении.

Объектив перенес в следующее помещение звездолета — лабораторию-мастерскую. Но Гордеев уже не смотрел на экран, он пробирался к Жубину.

— Видел?

Их взгляды встретились. Жубин молча поднялся, и они оба подошли к Ланскому. Тот, крепко прижав ладонями наушники, склонился над приборами. Рядом в таких же наушниках сидела Эллен Суперина.

Ланский выключил прибор и взял у Эллен блокнот с записями.

— Плохо. Очень плохо. Ничего утешительного. Тем двоим в камерах помогают тиратроны, а Донцов... Жизнь затухает... Он просто умирает в беспамятстве от голода. Впрочем, это я образно выражаюсь... Вы хотите сказать, что пришло время использовать предложение доктора Суперины?

— Да. — Гордеев прямо посмотрел в глаза Ланскому. — Если

я не ошибаюсь, вашим способом звукового воздействия можно на пятнадцать-двадцать минут поставить Донцова на ноги?

— Да.

— И сразу же за этим последует шок, сильнейшее истощение центральной нервной системы? Значит, единственное спасение в глубоком электричестве?

— Да.

— Сколько он продержится? — вмешался Жубин. — Только точно, с гарантией.

— Пятнадцать минут.

— Что необходимо для осуществления операции немедленно?

— Немедленно? Связь. С нашей лабораторией и лаборатории с вашим радиоцентром.

Сперва шевельнулась рука. Та, что лежала на столике. Пальцы разжались. Явственно прозвучал глубокий выдох. Затем, опершись на ладони, командир «Победы» медленно, напрягаясь всем телом, оторвал отяжелевшее тело от столика и откинулся на спинку кресла.

Жубин сжал руку Гордеева и взглядом указал на часы. Тот кашлянул и каким-то чужим, деревянным голосом прокричал:

— Донцов! Виктор! Слышишь нас?

Человек поднял голову. Худощавое и бледное, без единой кровинки лицо. Непокорные светлые пряди спадают на высокий лоб. На щеке багровое пятно — след стола. Самое страшное — во взгляде, безжизненном, невидящем.

— Это сейчас пройдет. — Ланский что-то зашептал в микро-телефонную трубку.

Взгляд командира звездолета стал осмысленным.

— Донцов! Донцов! Ты слышишь?

— Кто здесь? — прохрипел динамик.

— Земля! Тебя вызывает Земля!

Виктор Донцов болезненно поморщился, сжал руками голову и застонал.

— Земля? Опять бред...

— Нет! Земля вызывает «Победу». Говорит радио Института космоса!

— Говорит Земля? — Донцов закрыл лицо руками и засмеялся. Все громче и громче. Тело его сотрясало от этого смеха.

Жубин подскочил к аппарату.

— Командир первой звездной Донцов! — голос его стал резким.— Слушай команду. Встать!

Астронавт, встал. Он стоял, покачиваясь, вцепившись обеими руками в край столика.

— Я слушаю, Земля...

— Через несколько часов «Победа» войдет в зону контакта с наземными средствами приземления. Займи место в противоперегрузочной камере. Понял?

— Надо дойти до камеры... Я понял. Сейчас... Пойдите, звездолет не может приземлиться...

— Мы его сами приземлим. Выполняй команду!

Шли минуты, но Донцов не делал даже первого шага. Заметнее стали вокруг глаз темные круги. Внезапно как-то неловко, боком командир упал в кресло.

— Не могу. Нет сил, устал, — еле слышно пробормотал он.

Гордеев плечом отстранил Жубина и нагнулся к самому микрофону.

— Здравствуй, Виктор! Это я, Георгий!

— Георгий?! — оживился Донцов. — Ты... ты. Ну, говори, говори. Как Колька? Рассказывай.

— Поговорим на Земле! Иди в камеру.

— Не могу, — покачал головой Донцов. — Невозможно. Я не сделаю и шага.

— Сделаешь! Ты слышишь: сделаешь! Ты должен выполнить долг до конца!

Виктор пытался что-то возразить, но Гордеев не слушал его, продолжал, чеканя слова:

— Выполняй команду! Иди! Не можешь — ползи. Встань, Виктор!

И тот снова встал.

— Иди!

Донцов пошел. Шагнул, вытянул руки и, скользя по стенке рубки, упал на колени.

— Не могу...

— Сможешь! Иди! Мы очень ждем... Тебя ждут сын и внук. Иди!

Астронавт шагнул и ухватился за ручку стенового шкафа. И не упал. В глазах его зажглись упрямые огоньки. Закусив губу, он прижался спиной к стенке и, широко раскинув руки, двинулся вдоль стены к открытому люку.

Затаив дыхание, смотрели все, как человек борется с пространством. Совсем маленьким, но злым. Смотрели, бессильные помочь. А время убегало. Потеряв свою невозмутимость, Ланский все чаще посматривал на часы. Время, время... Подъем, вызванный инфразвуком, взбудоражившим нервную систему, вот-вот пройдет, и тогда ничто и никто не сдвинет с места Виктора Донцова. Вот он ухватился за срез люка. Там спасение: его, друзей, бесценных материалов экспедиции. Но нет сил перенести ногу через высокий комингс. И командир корабля делает единственно возможное: собрав остаток сил, бросается в пляшущую перед глазами синеву люка.

Он лежал, тяжело дыша, почти у самой камеры.

«Остается две минуты». — Гордеев скомкал записку Ланского и снова повернулся к экрану.

— Ты устал? — Голос старого космонавта звучал спокойно и ласково. — Отдохни. Успеешь. Хуже было на Марсе. Помнишь, в восемнадцатой экспедиции, когда наш вездеход завалило. Воздуха в обрез и инструментов нет. Сколько тонн грунта переко-

пали, но пробилась! Ну, пора! Давай, дружище. Всего один метр. Виктор, еще немного...

Тяжел, очень тяжел этот последний метр! Сжав зубы, человек тянется вперед. Рывок — на локоть ближе. Еще рывок — еще на локоть ближе. Остается полметра. Лицо Виктора Донцова все в каплях пота. Суперина, храбрый астронавт, склонила голову, закрывает лицо руками — она все же женщина. Гордеев, зажав дрожащими пальцами подбородок, шепчет:

— Ну еще, родной. Еще одно усилие...

Отвернув белоснежный манжет, Ланский смотрит на часы.

Рука командира звездолета дотянулась до опоры камеры. Он привалился к ней обессиленный.

«А ему еще ведь надо подняться, лечь туда, — с ужасом подумал Олег. — Как же он это сделает?..»

Ланский протянул руку к аппарату и, не глядя, начал перебирать тонкими пальцами кнопки. Затем решительно нажал самую крайнюю.

Виктор Донцов вздрогнул, словно от удара кнута, и стал приподниматься. Ему удалось встать на одно колено, ухватиться на подлокотник. И снова сник. Нет, он сжался в ком и что-то делает. Вдруг его тело плавно взмыло вверх.

— Он сбросил магнитные башмаки! — возбужденно крикнул Гасанов. — Ай, молодец! Ай, умница!

Командир звездолета протянул вторую руку к подлокотнику лежака и рванул рычаг включения. Его с силой бросило на амортизаторы, створка камеры стала неторопливо сдвигаться. В смотровом окне вспыхнула контрольная лампочка.

У гидравлической опоры камеры сиротливо стояли тупоносые, с тяжелыми подошвами магнитные башмаки...

Гордеев, побледневший, сидел на песке под молоденькой сосной. С наслаждением вдыхал пахнувший морем и хвоей воздух. Над ним стояли Олег и Жубин. Тяжело отдуваясь, Жубин

вытирал вспотевший лоб. Тая тревогу, он нарочито весело и громко говорил:

— Все. Довольно. Приземлим «Победу» и ухажу! Сторожем в музей. Честное слово! С меня довольно.

Гордеев посмеивался. Приступ одышки прошел.

— Я это слышу уже лет двадцать. Пока ты собираешься, всех сторожей в музеях давно заменили автоматы.

Подошли Ланский и Азаров.

— Удивительно, — покачал головой Ланский. — Донцов продержался почти двадцать минут.

— Дорогой доктор, — дружески обнял его Жубин. — Вы же имеете дело с космонавтами. А их девиз — «Сделать больше возможного!»

— Не зазнавайся, Жубин. Больше «возможного» делали еще первые коммунисты. И на Земле...

ЗЕМЛЯ ПРОТЯГИВАЕТ РУКУ В КОСМОС

Только что закончилось краткое обсуждение заявления Бирзина. Когда все — и космонавты и гости со всех концов Земли заняли свои места, Бирзин попросил слова.

— Независимо от результатов, я хочу сказать, что был не прав. Беда моя в том, что я это чувствую, но еще не совсем понимаю, почему это так. Поэтому не считаю возможным дальше руководить лабораторией.

Решение по заявлению Бирзина было кратким: уважаемый академик переживать будет после приземления «Победы».

И вот рядом с Олегом — массивная фигура Бирзина. За пультом астронавигационного сочитателя беспокожно переминается с ноги на ногу Торнау.

Звездолет приближался.

Счислительный автомат ежеминутно оглушительно выкри-

кивал цифры, указывающие расстояние до звездолета. Наконец, Торнау догадался выключить его, и теперь цифры появлялись только на экране. В помещении стало сразу как-то спокойней.

Олегу казалось: чем ближе «Победа», тем здесь, на центральном посту, медленнее течет время. Скорей бы уж свершилось!

Еще есть время, и в переполненном помещении шумно. То в одном, то в другом месте вспыхивают короткие разговоры. Внезапно у кресла, в котором сидела Ольга Доценко, загорелась сигнальная лампочка. Привлекая общее внимание, девушка вскинула вверх руку, в которой держала крохотную радиостанцию. Немного подождав, Ольга повернула регулятор громкости.

— Докладываем Совету... — звучал уверенный мужской голос. — Звездолет «Мгновение» к полету готов! Десять минут назад на корабль доставлен последний контейнер с антивеществом. Ждем команду...

Гул одобрения заглушил дальнейшие слова.

— Пора!

Олег встретил одобряющий взгляд Гордеева и почувствовал себя уверенней. Мелькнула мысль: старик на глазах преобразился — спокойный, веселый, ничего похожего на того хмурого и раздражительного человека, каким он был последнее время. Это хорошо. В следующее мгновение все его внимание уже было приковано к пульту. Он включил систему оповещения.

Над прибрежными холмами пронзительно взвыло. Голос сирены разнесся далеко за пределами зоны. Одновременно по всей планете прозвучал предупредительный сигнал. Его услышали и на космических станциях, и на спутниках. Этот сигнал приняли экспедиционные и рейсовые ракеты: никто ни при каких обстоятельствах не должен находиться в секторе действия лучей.

— Готовность!

На здание опустился изоляционный колпак. Разом, как отрезанные, исчезли все внешние звуки, и в аппаратной наступили густо-зеленые сумерки.

— Небо! — негромко скомандовал Жубин.

Стена напротив пульта растаяла, словно большое окно растапливалось в звездную бездну. В густо-черном пространстве роились звезды, светились клочья туманностей. И таким холодом и беспредельностью дохнуло от этих звездных россыпей, что Олег невольно поежился.

— Схему решения!

Торнау тронул клавиши на своем пульте. Звездный ковер пересекла красная дуга, и на ней заблестела яркая звездочка — локаторы обозначили «Победу» и ее путь. С левого нижнего угла к дуге ринулся голубой пунктир — путь луча. В месте их пересечения замигал огонек. Расстояние между лучом и звездочкой заметно сокращалось.

В напряженной тишине Олег не мог понять, что так гулко стучит: сердце или метроном, отсчитывающий бег времени.

Очередная команда. Сбросив оцепенение, навеянное величием звездного океана, Олег включил механизмы готовности.

На панели одна за одной вспыхнули лампочки: все четыре энергосистемы мира — Южная, Северная, Западная и Восточная — начали передачу электроэнергии. По невидимым проводам они слали сюда то, что накопили, и то, что вырабатывали. Выключены нагревательные установки последних самых высоких полярных зон, погасли последние электрические огни на Земле.

Все пронзительнее стонал пульт. Мощность потока энергии нарастала. Свет сигнатур превратился из оранжевого в ослепительно белый. На шкале учета прыгали, сменяясь, многозначные числа.

Олег включил обзорный экран. Хорошо, что автомат сработал — надвинул на экран плотный светофильтр, а то бы не стоять ему за пультом. На острие электрорелейной мачты сверкала чудовищно яркая корона. Еще более яркие, похожие на молнии, потоки, полосуюя небо, тянулись к зеркалам антенн. У антенн они сгущались и были во много раз ярче солнца.

Олег направил объектив на ближние холмы. Решетка гиперboloида была неподвижна, а цилиндр гравитационной установки поворачивался, кренясь. Теперь он действительно напоминал колоссальную пушку, нацелившуюся в невидимую точку на небе.

— Луч готов!

И почти одновременно охрипшим от волнения голосом воскликнул Торнау:

— Внимание! Корабль в зоне!

— Луч! — резко скомандовал Жубин.

Олег торопливо нажал и отпустил клавиши автопуска. Дальнейшее управление силами, способными превратить в облако пыли всю планету, управление с точностью и скоростью, недоступной человеку, взяли в свои руки машины.

ПОСЛЕДНИЕ ИСПЫТАНИЯ

Олег впился глазами в панель. Вспыхивали и гасли сигнатурки цепи включения. Сверкнул зеленым огнем круглый глаз первого из трех индикаторов установки тяготения. В тот же миг подземный удар потряс здание. Позади Олега что-то жалобно зазвенело, он хотел обернуться, но вспыхнул второй индикатор, и здание так качнулось, что Олег едва удержался на ногах. Третий, последний удар Олег встретил подготовленным, поэтому, может быть, он показался ему слабее предыдущих, хотя на самом деле было наоборот.

Теперь Олегу стало ясно, почему такое массивное и крепкое основание у гравитационной установки. Все три конденсатора тяготения вступили в работу, и на экране звездную россыпь рассекала багрово-фиолетовая полоса. Вокруг нее, словно вокруг раскаленного стального прута, клубилась красноватая дымка: острый глаз астролокатора фиксировал завихрения потревожен-

ной материи.

Чем выше, тем шире и бледнее становилась эта полоса. Но она упрямо карабкалась в гору по звездному косоуглу, тянулась к пульсирующей точке встречи. Вот бледно-фиолетовые язычки начали лизать ее. Еще мгновение — и они коснутся приближающейся красной точки...

Но что это?

Полоса дрогнула, искривилась, стала меркнуть и резко клониться вправо, как будто невидимая рука потянула ее вниз... Следящая система забила тревогу. Фиксатор направленности луча суматошно мотался по шкале, однако все остальные приборы показывали, что наземное оборудование работает нормально.

— Все в норме, — недоуменно пожал плечами Олег на немой вопрос Гордеева.

— Космос шалит, — подумал кто-то вслух.

Автомат включил резерв энергии. Внутри пульта жалобно застонало. Еще яростнее забушевало золотистое пламя в трубке регистратора. Один за другим на панели начали вспыхивать тревожные красные огоньки.

— Предел, — прошептал Бирзин. — Девяносто девять процентов электроэнергии нашей старушки-планеты мы забрали. Если и теперь... — Он не договорил и стал прислушиваться.

Пульт перестал стонать, но откуда-то появился ноющий звук. Он нарастал, и через секунду вой и звон, оглушающие, сверлящие мозг, наполнили помещение. Гордеев что-то кричал прямо в ухо Олегу, но тот не мог разобрать ни единого слова. Тогда Георгий Павлович ткнул пальцем в изображение гравитационной установки на обзорном экране. Оно было неясным, словно размытым. Олег понял: звенела и выла под ударами потоков энергии металлическая ажурная конструкция — она выбрировала. Замигали огоньки реле-регулятора, и оглушительный звон исчез. В зале наступила не менее оглушительная тишина.

Приборы показывали, что напряжение на конденсаторах увеличено до предела, но луч продолжал дрожать, кривился и

угасал далеко от звездолета.

— «Победа» в зоне встречи, — упавшим голосом объявил астронавигатор.

Это все видели и без него. Жубин резким движением сорвал очки и поднялся с места.

— Службу Солнца!

Но Олег не успел дотянуться до аппарата, как тот звякнул, и на его экране появился Орландо — начальник службы по изучению Солнца. На его лбу сверкали, похожие на рога, телескопические очки, прикрытые светофильтрами. Он был взволнован. Щурясь, Орландо всматривался в полумрак помещения и, наверно, так ничего и не увидя, сказал в пространство:

— Докладываю. Полторы минуты назад произошла чрезвычайно мощная вспышка солнечной активности. Очень боюсь, что помешает вам...

— Ты прав. Уже помешала, — проворчал Жубин. — Что делать? Предложения?

— Включить эфирную воронку и использовать как заградительное поле вокруг луча тяготения.

Олег не заметил, кто это предложил.

— Я всегда был принципиальным противником ставки на эту несовершенную штуку в серьезном деле, — проговорил Орликов, — но спорить не время. Выслать перехватчика!

— Экипаж выполнит задание. Но неужели... — Доценко, не закончив фразы, замолчала.

— «Мгновение» к старту! Еще предложения?

— Звездолет прошел пять восьмых зоны, — тихо, виноватым голосом объявил Торнау.

Жубин косо посмотрел на него и повторил вопрос. Молча, не отрывая взгляда от карманной электронно-расчетной машинки, поднялся Азаров. Прикрыв крышку «расчетки», он выдернул из нее узкую ленту.

— Ограждение эфирной воронкой! Луч перевести на пульсирующий режим!

— Возражаю! — снова вскочил Орликов. Он возбужденно вращал перед собой очки в массивной оправе. — Возражаю! Не время экспериментировать! Это прекратить! — крикнул он в сторону экрана. — И выслать ракету... Не должно быть ничего непредусмотренного... Я требую точного расчета...

Бирзин промолчал.

— Точного расчета и только? — невинным голосом спросил Азаров. — Прошу! — Он протянул Орликову ленту.

Тог вскинул к носу очки.

— Поразительно...

— Так что же? — спросил Жубин. — Время идет.

— Снимаю. Но ракету держать на старте. Держать!

Какими невероятно долгими были те доли секунды, пока вычислительный автомат, дико воя, на ускоренном режиме вел расчет установленных данных.

На экране засветился силуэт гигантской воронки, вытянутой раструбом вверх. И сразу же с гулким ударом ее пронзил луч. В пределах воронки он не изгибался, но, едва вырвавшись за пляшущие края, тускнел и рассеивался.

Заработали второй и третий конденсаторы.

Тяжелые удары следовали непрерывно один за другим. Все дрожало. У Олега было такое ощущение, что какое-то чудовище схватило его за шиворот и безжалостно трясет и трясет.

Жеррар оставил свое место, подошел к Олегу и впился взором в экран. Сжав зубами давно потухшую трубку так, что на скулах побелели вздувшиеся желваки, он всматривался в дрожавшее, все в золотых скачущих искрах изображение гравитационной пушки. Нижнюю часть установки закрывали клубы пыли.

На экране то вспыхивала, то угасала огненная полоса. Тревожные багровые сполохи озаряли напряженные лица людей. С каждой вспышкой луч становился все ровнее, простирался все выше, все ближе к алой звездочке. Но вот он лизнул ее. Раз, другой. Захлестнул и... угас. Но тотчас же навстречу звездолету метнулся луч второй установки. Изменилась и картина на экра-

не. Теперь в центре звездного неба неторопливо вращался земной шар. От него к алой звездочке тянулась тонкая светлая нить, накрепко связавшая Землю и космический корабль.

Секунда... другая.

На экране красная точка еле заметно повернула влево вниз.

Кто-то громко, не таясь, облегченно вздохнул. Потом все рассмеялись, заговорили, шумно поздравляя друг друга. Доценко радостно кричал в микрофон своей карманной станции: «Ребята, все в порядке! Все хорошо!.. Готовность отменяется!»

Все окружили Гордеева. Из толпы выбрался Жубин и подошел к Олегу.

— Какое максимальное торможение?

Взглянув на шкалу, Олег ответил.

— Выдержит?

— Выдержит. «Победа» — крепкий орешек. Он рассчитан на значительно большее.

— Внимание! — Торнау поднял вверх руку. — «Победа» вышла на спираль.

На схеме уже светился луч третьей установки.

Через пять минут все станции передавали выступление Жубина. Оно было коротким.

— Сегодня в тринадцать часов пятьдесят шесть минут сорок восемь секунд по второму восточному времени погашена субсветовая скорость звездолета «Победа-первая». С этой минуты корабль движется по спирали вокруг Земли и с каждым витком приближается к ней. Через пятьдесят восемь часов будет осуществлено его приземление.

ЗЕМЛЯ ВСТРЕЧАЕТ СВОИХ СЫНОВЕЙ

Те дни, когда Земля отдавала всю электроэнергию на приземление звездолета, Мара провела на «Утренней звезде». Подъемник не работал, и Мара со своими подругами, кое-как устроившись в тесной рубке, несла вахту. Солнечные батареи обеспечивали работу основных приборов и, конечно, видеофона. Он не выключался. «Пленницы» СПУ-124 не отрывались от экрана. Они видели всю планету. Видели, как замирало движение, как гасли огни городов, видели последние рейсы вертолетов, снежные бури, обрушившиеся на Гренландию, Чукотку, Сибирь, ураган невероятной силы, бушевавший в Индийском океане, дождь, настоящий потоп, который заливал Западную Европу и Австралию, грозы, гремевшие и сверкавшие над американским континентом. По ночам было жутко — внизу лежала такая черная пустота.

Потом они смеялись и плакали от радости: на экране «Победа» вращалась вокруг Земли. Планета оживала, ликующая, взбудораженная.

Бойкий «Паучок», скользнув вниз по серебристой нити, доставил Мару и ее подруг на Землю. Забыв о сне и отдыхе, она ждала передачи с ракетодрома.

Время шло, а ракетодром не включался. Мара все больше и больше волновалась. А вдруг что-нибудь случилось? Вдруг что-то не так? Она пыталась гнать от себя эти мысли, но они все настойчивей и настойчивей возвращались.

Однако тревоги оказались напрасными. Ровно в назначенный час прозвучал сигнал оповещения, и в сферозкране на фоне звездного неба появился Икар — эмблема астролетчиков. Далекий женский голос запел любимую песню водителей космических кораблей.

Песня оборвалась так же внезапно, как и началась. Мара увидела залитое солнцем поле ракетодрома и улыбающееся лицо

знаменитого диктора, выступающего обычно в особо торжественных случаях. Мара отрегулировала максимальное увеличение и разкость и успокоенная устроилась в кресле.

— Жители Земли! — торжественно зазвучал голос диктора. — Отважные космонавты, преодолевающие в эти минуты на своих космических кораблях пространства межзвездного мира! Наши земляки, друзья, родные на Луне, Марсе и Венере! Слушайте специальную передачу о возвращении на Землю первого звездолета. Слушайте все! Работают все земные и космические радиостанции. Земля встречает своих сыновей, покинувших ее семьдесят лет назад. Наши аппараты установлены на ракетодроме так, что вы, находясь за тысячи километров отсюда, будете видеть весь ход событий, знаменующих еще одну победу человека над космосом. Семьдесят лет назад люди Земли впервые шагнули к звездам. В далекие рейсы пошли звездолеты. Сегодня возвращается первый из них. Тяжелым оказался путь «Победы-первой», но люди выиграла битву. Да и могло ли быть иначе? Торжественная минута приближается. Смотрите, на взлетной площадке готовятся к вылету «Пчелки». Они поведут звездолет к Земле. Сейчас вы увидите «Победу»!

Вначале перед Марой было только черное небо. Потом, заслоня яркие звезды, появилось длинное тело «Победы».

Звездолет приближался с такой скоростью, что, казалось, вот-вот врежется в «Пчелку». Ощущение было настолько сильным, что Мара, вцепившись пальцами в спинку дивана, закрыла глаза. Когда она снова их открыла, «Победа» неподвижно висела прямо над головой, занимая более половины экрана.

Мара жадно глядывалась в звездолет. По модели, по кадрам хроники она хорошо представляла себе «Победу». А сейчас перед ней было что-то совсем другое. Длинное, как игла, тело, короткие крылья стабилизатора, огромный, непропорциональный размерам ракеты отражатель! Нет! Это «Победа», но какая-то странная...

Развернувшись, две «Пчелки» застыли рядом с «Победой». Из корпуса одной «Пчелки» выдвинулся короткий сигарообразный аппарат. Полыхнуло яркое пламя, и «Пчелка» двинулась вдоль звездолета. Весь корпус корабля залило розовым светом. Мара знала, что это такое. «Пчелка» начала санитарную космическую обработку звездолета. И только сейчас, всматриваясь в контуры корабля, она поняла, что показалось ей странным в звездолете. «Победа» отправлялась в путь нарядная, в блеске металла и разноцветных покрытий, а сейчас перед нею было сооружение однообразного тускло-серого цвета. Какой-то пушистый налет покрывал весь корпус, сглаживая четкие формы корабля. Звездолет был избит, иссечен, местами торчала порыжевшая арматура, зияли рваные пробоины. Лобовой рассекаТЕЛЬ был исковеркан, там виднелись бесформенные куски металла и керамики.

Звездолет, казалось, дымился. Мара так и не могла понять, что это: обман зрения или действительно налет, покрывавший ракету, пришел в движение под жгучими ударами «Пчелки».

Облучение закончилось, и «Пчелки» вплотную подошли к звездолету. Вот они крепко «обняли» «Победу». Загорелись и погасли сигнальные огни, и маленькие ракеты, развернув гигантский космический корабль, понеслись вниз..

В следующие несколько секунд круглый отражатель закрыл весь экран. Затем она увидела выпуклую стенку пассажирской кабины звездолета. Кварцевые стекла круглых окон, похожие на глаза диковинного зверя, сверкали в лучах солнца. Вся комната Мары наполнилась веселыми солнечными «зайчиками».

На экране появилась рубка звездолета. В ней несколько человек в белых халатах. Мара увидела знакомые рыжеватые волосы «космического доктора» Эллен Суперины. Она стояла возле кресла и весело смеялась. А в кресле сидел... Олег. Да, Олег, только побледневший, с глубоко ввалившимися глазами. Некоторое время Мара изумленно таращила глаза, пока не сообразила, что перед нею Виктор Донцов. Она знала, что дед и

внук очень похожи, но что до такой степени!.. Пораженная, Мара почти не смотрела следующие кадры.

А тем временем передача уже шла с ракетододрома.

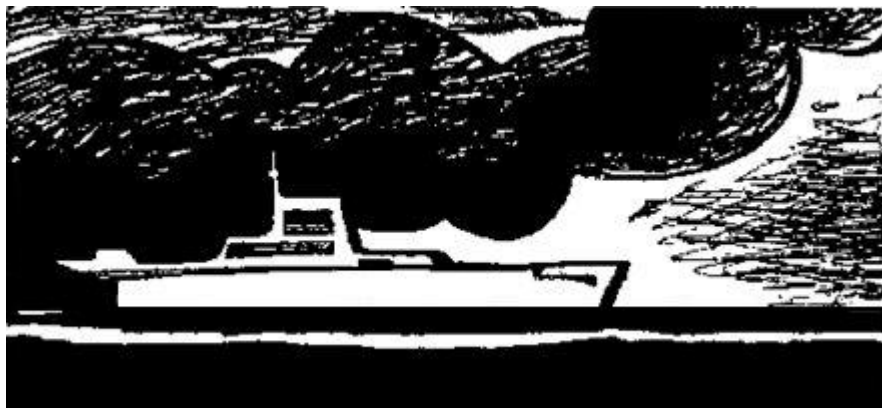
Плавно опускался звездолет. Восемьсот, пятьсот, триста метров. Все ниже и ниже. Гудели двигатели «Пчелок». И чем ниже опускался звездолет, тем выше и громче вздымались звуки торжественного «Марша космонавтов». Но вот отражатель легонько чиркнул покрытие поля, и звездолет, качнувшись, застыл. В тот же миг на всех ракетододромах в традиционном салюте ухнули старинные пушки.

Раздвинулись плиты рассекателя, и выдвинулась небольшая площадка. На ней появились три человека. Поддерживая друг друга, они молча смотрели вниз, где бушевал человеческий океан.

Звездолет возвратился на землю.

ЗАГАДКИ ПУЧИНЫ

Научно-фантастический рассказ

лагбаум был поднят. Машины — три тяжелых крытых вездехода, не сбавляя скорости, проскочили мимо часовых.

— Прощай! — проговорил в микрофон лейтенант.

— Принято! — прозвучало в динамике. Офицер уступил место солдату и, натягивая на ходу перчатки, вышел из караульного помещения.

Над шоссе, запорошенным снегом, еще кружили белесые вихри, поднятые машинами. Лес вплотную подступал к дороге, и только в той стороне, куда она убегала, в его темную зубчатую стену клином врезалось звездное небо. Вслушиваясь в затихающий рокот моторов, офицер похлопал по карманам шинели, разыскивая папиросы... Закурить он не успел: сирена хлестнула по вершинам деревьев. Ее вопль заполнил все вокруг. Боевая тревога!

Боевая тревога. Лейтенант хорошо представлял, что сейчас делается «там». Первый аккорд сирены — и как не бывало крепкого солдатского сна. Молчаливые секунды точных движений — и вот

уже по бетонным плитам тревожный перестук сапог: расчеты спешат к своим местам. Еще несколько секунд — и запели, пока на холостом ходу, электромоторы исполнительных механизмов, шевельнулись на конвейерах многометровые серебристые акулы.

Боевая тревога! На пункте управления голубым искристым светом разгораются экраны локаторов, следящих приборов, а мозг ракетной установки, счетно-решающее устройство, уже готовит решение сложной задачи.

Офицер мял в пальцах незажженную папиросу. Досадно, что он сейчас не там, у экрана. Досадно. Но зато он увидит все это со стороны. Он ждал.

Яркий сполох взметнулся над гребнем леса. Лес, небо — все стало оранжевым. Затем поднялось клубящееся облако дыма и снега, тяжелое, налитое огнем. Земля дрогнула, лес, глухо ухнув, зашумел. С ветвей посыпался оранжевый снег. Басовитый вой нарастал, становясь все неистовее. Офицер прикрыл уши ладонями. В темную синеву поднялся огненный столб. Вой перешел в пронзительный свист, постепенно утихающий, — и все исчезло.

— Цель! — звенящим голосом выкрикнул сержант. Полковник кивнул головой и негромко скомандовал:

— Вторая, к пуску!

Исполнительные механизмы просигналили: «Готова!» На лица солдат и офицеров лег отблеск загоревшихся сигнальных лампочек стартового автомата.

— Пуск! — По старой артиллерийской привычке полковник рубанул ладонью.

Над лесом снова забушевал огненный смерч, снова вокруг загрохотало, завывало. Мгновение — и на экранах появилась светлая точка, упрямо карабкающаяся вверх. Полковник поднялся и, заложив руки за спину, зашагал по тесному коридорчику между приборами. Он шагал, изредка поглядывая на часы. Шагал до тех пор, пока снова не прозвучало: «Цель!» Тогда полковник подошел к лейтенанту, сидевшему у небольшого аппарата. Тот секунду напряженно вслушивался в работу механизмов, затем щелкнул тумб-

лером и, поднявшись, протянул полковнику бланк со столбцами цифр. Полковник положил бланк на стол и поднял трубку телефона:

— Докладываю. Операция «Краб» завершена. Ракеты легли в заданные точки. Да, в заданные точки.

Я барахтался в темной и жаркой пустоте, задыхался и падал со страшной высоты. Внизу был океан, гневный, взбудораженный. Один за другим вздымались зеленые валы с белыми гребнями и неслись куда-то вдаль. Но странное дело: я падал, а волны не приближались. «Скорее бы уже...» — подумал и открыл глаза.

Какое-то время, отбросив влажную и жаркую простыню, я лежал неподвижно: надо же, черт возьми, отделить явь ото сна. Удивительно: ощущение падения не проходило. И такая же плотная, душная темень обступала меня со всех сторон. Нет, что ни говорите, — тропики не для меня. Впрочем, я повторяю это не первый год.

Я потянулся к изголовью, нащупал в темноте кнопки.

— Время — ноль часов пять минут, — прохрипело над головой.

Ну и голосок у этих говорящих часов! Не могли сделать приятнее... И чего проснулся? Ведь только лег. Надо вызвать рубку. Лукаво перемигнулись огоньки, и снова заскрипел металлический голос. Вот это да!

«Океан», вместо того чтобы лежать в дрейфе, как предусматривалось графиком, и, запустив вглубь гроздь батометров, грунтовые трубки, теле- и фотоприборы, ихтиологические и планктонные сети, выуживать из глубин живое и неживое, неся по полуночному Индийскому океану куда-то на юго-запад. Несся со скоростью, какую можно было выжать на подводных крыльях турбореактивными двигателями. Тут уж не до сна.

В дверь постучали, и показалась голова радиста Николая Невзорова.

— Не спите, Владимир Владимирович?

Кажется, об этом можно было и не спрашивать.

— Понимаете, такое дело... — В голосе радиста было что-то заставившее меня прекратить возню с башмаками.

— Ну?

Вместо ответа Николай протянул бланк радиограммы.

Я не ждал радиограмм ни личных, ни служебных. Предчувствие недоброго охватило меня. Я взял листок бумаги.

«Получил возможность воспользоваться приглашением Али. Через час погружение. Сообщил Нине. Привет всем. Евгений».

На такое способен только Женька. Честное слово! Неделю назад радировал, что собирается в Северную Атлантику, а сегодня...

Радист, не ожидая моих вопросов, подал еще одну радиограмму.

«Назначенный срок «Ява» не поднялась. Поиски безрезультатны. Просим помощи...»

Колька знал, кому нести эту весть. Эх, други, мои други, что же это такое?..

Сигнал колокола громкого боя ворвался в каюту. Сунув радиограммы в карман, я выскочил в коридор.

— «Ява» не поднялась.

— Знаю. — Я старался не встречаться взглядом с Ниной. — Этого еще не хватало...

— Ты что?

Я пробормотал:

— Ничего... Мне очень жаль Раден.

С Раден — женой Али Чокроаминото — мы познакомились, когда гостили у этого крупного ученого. Было это всего два месяца назад. «Океан» бросил якорь в небольшой бухте на острове Ява. Еще не стих грохот якорных цепей, как на борту появились Али и женщина с приветливым лицом. «Знакомьтесь, — сказал Али. — Раден — мой строгий судья и добрый гений».

Раден прекрасно владела русским, и через несколько минут женщины засели в библиотеке. Тем временем Али Чокроаминото с горящими глазами заглядывал во все углы, ощупывал каждый

винтик на «Океане». «Да, машина... Не то что моя калоша». Скажем прямо, это было с его стороны явно несправедливо по отношению к «Кораллу». Сверкающий белизной, с легкими стремительными обводами, корабль индонезийской экспедиции стоял рядом.

Али Чокроаминото, о котором говорили, что большую часть жизни он провел на дне океана, был гостеприимным человеком. На следующий день мы осмотрели его творение — батискаф «Ява». Индонезийский ученый готовился «пройтись» по глубоководному желобу, открытому советской экспедицией на «Витязе» вблизи архипелага Чагос. Али, с которым мы были знакомы по встречам на конгрессах океанологов, попросил меня самым придирчивым образом проверить электронику «Явы». Тогда же Али попросил меня передать приглашение Евгению участвовать в экспедиции, но тот был занят подготовкой к испытаниям подводных траулеров.

Неделю назад «Коралл» вышел в море. Перед походом к архипелагу Лагос было решено испытать батискаф в ближайшем подводном каньоне. Произвели первый пробный спуск, все было хорошо.

Вчера Чокроаминото начал готовить батискаф ко второму спуску. Генеральная проверка, эта нудная процедура, заняла несколько часов. Последняя контрольная проверка глубин эхолотом — и «Ява», вспузырив волны, ушла под воду. Примерно через час поступило сообщение: батискаф на дне. Вскоре связь стала резко ухудшаться, а затем совершенно прервалась. Это не вызвало особой тревоги: бывало раньше такое. Тревога появилась, когда прошло время, установленное для всплытия, и когда гидроакустика и светодотехника не обнаружили батискафа ни на дне, где он был еще совсем недавно, ни в слоях воды. В воздух подняли винтокрыл, но и он ничего не нашел. Тогда дали сигнал бедствия.

С экрана видеофона на нас поглядывал сухощавый молодой человек — капитан «Коралла». Не знаю, видел ли он Нину, но имя второго члена экипажа «Явы» он не называл. Закончив рассказ, он

спросил:

— Может быть, посмотрите пленки и прослушаете звукозаписи?

— Потом! — буркнул Карл Янович, руководитель нашей экспедиции. — Потом, на ходу. И так потеряна уйма времени.

Капитан «Коралла» вежливо ответил:

— Вы правы. Но задержки бывали прежде. Кроме того... Инструкция Чокроаминото... Вы его знаете...

— Знаем. Но вы капитан, — проворчал Карл Янович, уже не скрывая досады.

— Жене сообщили?

Это спросила Нина, и мне стало не по себе: она, наверное, сейчас смотрит на меня.

— Да, — наклонил голову капитан «Коралла». — Она ответила, что с мужем бывало всякое, но он еще никогда не пропустил завтрака.

Я прикинул в уме жизненные ресурсы «Явы». Причин для особой тревоги пока нет, но Али и еще кое-кому следует поторопиться, чтобы в самом деле не опоздать к завтраку.

Карл Янович несколько секунд сидел, глубоко задумавшись, затем коротко бросил:

— Начинаем! По местам!

Меня задержала Нина. Она спросила:

— Может, бросишь играть в прятки? Что случилось?

Вступил в силу закон «Союза неразлучных», и я достал радиogramмы.

Я смотрел, как Нина растерянно поглядывает то на одну, то на другую, а память услужливо листала страницы былого.

...Роняет листья липа в углу школьного двора. Под деревом трое: два очень похожих друг на друга мальчугана — Женька и я, третья — Нина, девчонка с большими глазами и непокорными косичками. На зачитанном томике «Как закалялась сталь» мы клянемся в вечной дружбе, клянемся быть смелыми, правдивыми... Так родился «Союз неразлучных».

...На берегу пруда яростно спорят Женька и Нинка. И охота им цапаться в такую жару? Женька убежден, что настоящие приключения возможны только в космосе, Нина доказывает, что и на Земле еще много дел. Мне надоедает их спор, и я кричу: «К черту космос, к дьяволу Землю, да здравствует вода!» И бултыхаюсь в пруд. Они за мной.

...Прошлепало по пыльным стежкам-дорожкам босоное детство. Пришла и нам пора открывать новую страну, открывать так, как ее открывали до нас и будут делать это после нас, — все сначала. Это была таинственная и великолепнейшая страна, но с тысячами широких дорог и путаных тропинок, бурных потоков и тихих омутов. Она называлась «любовь». Мы начали с выяснения, помогает или мешает любовь совершать подвиги?

Потом однажды, в мартовский вечер, когда так сильно пахло талым снегом, я понял новую сущность игры «третий лишний». По законам «Союза неразлучных» невозможно не ответить правду на прямой вопрос. Я спросил друзей; «Вы любите друг друга?..»

— Не понимаю, как он там оказался? — прервав мои думы, проговорила Нина. Затем посмотрела мне в глаза. — Мы скоро их найдем?

Я не сомневался.

— Самое позднее часа через три. Али не опоздает к завтраку, а Женька лично поздравит тебя с днем рождения.

— Вот вы где? — В дверях стояла Иринка. — Через двадцать минут будем у «Коралла». Карл Янович интересуется, почему ваша механика не работает?

Но не пришлось нам встретиться через двадцать минут с красавцем «Кораллом». Прозвенел вызов с ходовой рубки, и раздался встревоженный голос вахтенного:

— Слева по курсу судно без сигнальных огней! На вызов не отвечает. Включаю прибор ночного видения.

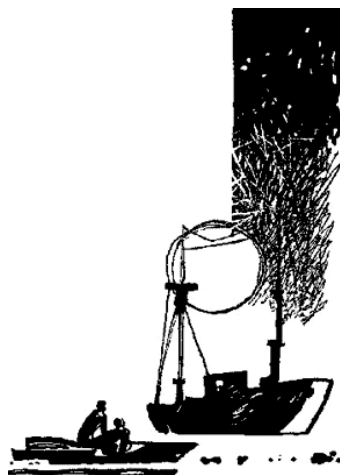
В рамке экрана появился силуэт судна. Это был небольшой двухмачтовик. И шел он действительно без единого огонька.

— Паруса бы ему, и ни дать ни взять «Летучий голландец», — проговорил я, всматриваясь в изображение.

— «Голландец»? Нет... — протянул Карл Янович. — Это «японец». Позвольте! Это... — воскликнул он удивленно. — Это «Хризантема»?! Разрази меня гром, это она, коробка старого плута Ихара Сейдзюро! Но, — Карл Янович снова бросил взгляд на экран, — дело в том, что старина Ихар давно перестал шнырять по морям без огней.

Я припомнил: недавно небольшое судно проходило мимо «Океана», лежавшего в дрейфе на очередной станции, и его капитан, высокий седоватый японец, церемонно приветствовал нас. Это был Ихар Сейдзюро — старый знакомый Карла Яновича.

Наш начальник в молодости охранял границу на Тихом, а Сейдзюро водил разного рода «Мару» к лежбищам котиков...

Хотя на борту «Океана» было мало людей и много умных машин, спуску катера предшествовала традиционная суматоха. Но вот «Океан» сбавил ход, «присел» на опорах подводных крыльев; по левому борту, у самой ватерлинии открылся круглый зев, и из него скользнул на воду катер. Вздывая буруны, катер пронесся наперерез странному судну.

Да, это была «Хризантема». Старый пограничник не ошибся.

— Эге-ей! На «Хризантеме»! — рявкнул в мегафон во всю мощь своих легких штурман Виктор Пархоменко, когда катер подвалил к борту затемненного корабля.

Не получив ответа, Пархоменко одним рывком перебросил свое гибкое тело через невысокий фальшборт, а затем протянул руку спутнику — бортврачу Короткову.

На палубе было темно и тихо. Внизу чуть слышно постукивал дизель. Освещая фонариком дорогу, Пархоменко и Коротков про-

брались к ходовой рубке.

— Фу, нечистая сила! — прошептал Пархоменко, открыв дверь. В углу в темноте сверкали два зеленых глаза. Виктор щелкнул выключателем, и рубка осветилась. Навстречу, приветливо мурлыкнув, поднялся пребольшущий кот.

— Ну, «японец», — потрепал Пархоменко трущегося о ногу кота, — веди, показывай свое хозяйство...

Пархоменко и Коротков зажгли сигнальные огни, выключили главный двигатель и, сопровождаемые котом, начали осмотр «Хризантемы». Странное зрелище представляло собою судно: везде порядок, все на месте и нигде ни одного человека. И что удивительно, нигде следов панического бегства: единственная шлюпка на месте, у коек лежали аккуратно сложенные спасательные пояса, в трюме — груз бирманского риса.

Они переходили из одного помещения в другое, и курносое добродушное лицо штурмана мрачнело.

— Чертовщина какая-то! — бормотал он. — Нечистое на судине дело. Что скажете, док?

Николай Андреевич Коротков, высокий, угловатый, склонив голову набок, бросал вокруг внимательный взгляд и молчал.

В каюте капитана был образцовый порядок. На столе лежала карта с проложенным курсом и раскрытый судовой журнал, рядом поблескивала позолотой авторучка. Запись в журнале велась на английском языке, и штурман прочел последнюю:

«В 13 часов наблюдали необыкновенное явление... По правому борту в трех кабельтовых на море появился почти правильный круг как бы кипящей воды. Его диаметр в несколько раз превосходил длину «Хризантемы». Явление наблюдалось в течение пяти минут».

Дальше шли цифры — запись координат. Пархоменко дважды повторил их вслух и присвистнул:

— Док, посмотрите! Корабль без команды шпарит полным ходом — чертовщина первая, а это, — он ткнул пальцем в цифры, — вторая! Запись сделана в то время, когда у «Коралла» прер-

валась связь с «Явой», и были они совсем рядом с ним. Согласитесь, док, что это очень странно.

— Ты прав, — задумчиво ответил Коротков. — Странно.

Они снова поднялись на палубу и, привлеченные жалобным мяуканьем кота, заглянули на камбуз. По сравнению с другими помещениями здесь был невероятный беспорядок. Валялись посуда, пакеты с продуктами, жестяные банки, остро пахло горелым сахаром. Фонарик в руке штурмана дрогнул: из-под кучи картофеля, мешков и банок торчали ноги в деревянных башмаках.

Судя по всему, это был кок — невероятно тощий молодой японец. Он лежал, закрыв ладонями лицо, искаженное гримасой ужаса. Все-таки на судне оказался человек, и Пархоменко сразу повеселел.

— Впервые вижу такого тощего кока. Ну как, доктор?

Коротков наклонился над телом.

— Пока жив.

Уже забрезжил рассвет, а мы все не могли обнаружить батискаф. Мы прошли над глубоководной пропастью, куда спустилась «Ява», — ничего. Потом просмотрели, прослушали, прощупали огромную акваторию — и опять ничего. «Ява» исчезла бесследно. Это было непонятным, непостижимым и давало основания для тревоги.

Обо всем этом и докладывал сейчас Кард Янович чрезвычайной комиссии Академии наук.

Я взглянул на Нину. С окаменелым лицом она сидела, склоняясь над своими таблицами, и что-то записывала в них. Глаза ее стали синее — единственный признак большого волнения.

Что же случилось с «Явой», с этим самым совершенным глубоководным кораблем?

Батискаф — подводный дирижабль — пришел на смену ненадежным, а главное, ограниченным батисферам и гидростатам. Стратонавт Пикар, успешно проникнув в глубины воздушного океана, обратился к осуществлению своей давней мечты — проник-

новению в глубины морей. Годы упорных поисков, напряженного труда, рискованных экспериментов — и корабль глубин, батискаф, родился. Вместо легкой оболочки, наполненной газом, — легкая, но прочная поплавковая камера, наполненная бензином; вместо легкой гондолы — сверхпрочный стальной шар, способный выдерживать чудовищные давления глубин.

Чокроаминото создал корабль предельных глубин. Батискаф этот был рассчитан на проведение серьезных исследовательских работ на любых глубинах...

Где батискаф? Что с его экипажем?

При спуске у острова Капри Пикар едва не остался навсегда на дне: батискаф застрял в толстом слое ила; на нем дважды самопроизвольно срабатывал аварийный автомат сброса балласта, и батискаф стремительно уходил вверх. Могло такое произойти с «Явой»? Исключено. Ну, а вдруг «Ява» всплывает, всплывает значительно быстрее, чем древний батискаф, а там, на волнах, ничего не подозревающая «Хризантема»... Удар о киль, рваная пробоина в корпусе поплавковой камеры... и батискаф снова погружается в пучину. Навсегда...

Я выскользнул из салона и зашагал к радиорубке.

Вызвать «Хризантему» было минутным делом. Но на Пархоменко мое разыгравшееся воображение мало действовало. Если экипаж «Хризантемы» погиб при попытке спасти батискаф, то почему шлюпка на месте? А потом «поцелуй» «Явы» не прошел бы безнаказанно для такой скорлупки, как «Хризантема». Если бы это случилось, то, пожалуй, ему не пришлось бы находиться на корабле. А главное, батискаф-то не обнаружен. Ладно, так и быть, он полезет и осмотрит днище.

Я не удержался и позвонил в гидроакустическую.

— Ничего нового! — сердито ответила на мой вопрос Иринка. — Неужели я молчала бы? Тебе делать нечего, что ли?..

Вот так всегда Иринка со мною разговаривает. А в действительности она замечательная и умница большая. Она гидроакустик и гидробиолог нашей комплексной группы океанографи-

ческой экспедиции. Вообще у нас отличный народ в группе, не первый год вместе выпытываем у старика Нептуна его тайны.

Но куда все-таки исчезла «Ява»?

Я возвратился в салон. Карл Янович, заложив руки за спину и чуть ссутулясь, медленно прохаживался вдоль мерцающего экранами приборного пульта.

— Одно,— говорил он глуховатым голосом,— остается одно — начать все снова. Прощупать каждый метр, каждую складку дна. Но убейте меня, — он развел руками, — не понимаю! Как корова языком слизнула. Мы обнаруживаем на дне ядра, да что ядра, гайки и то находим, а батискаф не разыщем! Что за дьявольщина! Такая техника...

Нина потупилась. Да, поисковая техника подвластна ей такая, о которой еще год назад можно было только мечтать. Но сегодня локаторы что-то «чудят»: то и дело появляются поля невидимости — какие-то мутные пятна. Нина твердо убеждена, что приборы в этом не виноваты, что это помехи, так сказать, внешнего происхождения. Однако обидно.

— Чем можем помочь? — спросил председатель комиссии. — У нас самые широкие полномочия.

— Не представляю, — пожал плечами Карл Янович. — Нет судна, оснащенного поисковой техникой лучше нашего «Океана».

Вошел Николай и положил мне на стол радиограмму от Пархоменко: «На «Хризантеме» никаких следов столкновения...»

— Делайте все, что сочтете необходимым. Мы тоже подумаем. Желаем успеха! — проговорил председатель комиссии. Экран телевизора погас.

— «Тоже подумают!» — проворчал Карл Янович. — Володя, передай вверх: пусть отключат всю внешнюю связь и дадут нам спокойно поработать... Вообще нас нет... — И он уселся перед пультом гидролокатора.

— Нина Васильевна! — позвал, не отрываясь от приборов, Карл Янович. — Дайте карту, где нанесены районы непросмотренного дна, и пригласите сюда Ирину Алексеевну.

Нина не шелохнулась. Она сидела, зажав виски ладонями. Глаза ее были широко открыты; почти круглые, блестящие, они чем-то напоминали глаза раненой птицы.

Эх Женька, Женька, друг мой!

— Что случилось? — повернулся Карл Янович к нам. — М-да, — проворчал он, выслушав меня. — Ну и что ж страшного? Работать, искать надо... Я жду, Нина Васильевна!

— Сейчас. Я сейчас. Одну минуту... — И, тряхнув головой, отгоняя остатки тяжелых дум, она пододвинула к себе карту. Ее рука с карандашом уверенно замелькала над столиком.

Когда появилась Иринка, Карл Янович жестом пригласил всех поближе к себе и предложил:

— У кого какая думка в голове, выкладываете.

— Батискаф унесло неизвестное и, видимо, очень мощное глубинное течение, — сказал я.

— Почему тогда нет связи, — возразила Нина. — Я думаю, они погребены обвалом в каньоне.

Ирина присоединилась к мнению Нины. И тут меня черт потянул за язык.

— А что, если батискаф утащило возлюбленное Ириной Алексеевной чудовище глубин?

Иринка бросила на меня уничтожающий взгляд, а Карл Янович неопределенно пробормотал:

— Океан, океан... Искать надо.

На небе появились первые звезды. Сгоняя тяжелую духоту, с юга потянул ветерок. «Океан» на самом малом скользил, пеня волны. Вся армия приборов трудилась непрерывно. Шуршали ленты самописцев, мигали экраны, тихо пели тонические контролеры. Искали всюду. В глубоких и узких подводных расселинах, в мно-

гометровых слоях ила, в толщах океана, наверху в волнах...

Николай Андреевич Коротков был маг и чародей в своем деле. Не раз крупнейшие клиники и институты наперебой предлагали ему сменить шаткий пол корабельного лазарета на солидный кабинет. Он благодарил, обещал подумать, даже соглашался, но подошло время отхода экспедиционного судна, и Николай Андреевич появлялся на его борту. Говорили: если не позднее часа после смерти обратиться к Короткову, возвращение к жизни обеспечено. Но теперь, то ли это был чрезвычайно тяжелый случай, то ли что другое, ему не удалось привести в себя человека с «Хризантемы». Жизнь в нем медленно угасала.

Николай Андреевич зашел к нам усталый и расстроенный. Он присел в кресло рядом с моим столиком и вытащил трубку. На мой немой вопрос отрицательно покачал головой.

— Ничего. Он умрет, а я даже не смогу сказать, отчего. Только что закончился консилиум. У телекамеры были все светила медицины... Что это? — вдруг прервал он свой рассказ и кивнул в сторону экрана.

Карл Янович мельком взглянул и поморщился.

— То же, что и у нас, — непонятное явление, — сказал врач. — Изображение без всяких видимых причин начинает расплываться, и появляется вот такая муть. На том же месте?

— Да, — ответила Нина.

— На что другое, а на скуку в начавшиеся сутки не пожалуешься, — вздохнул Николай Андреевич. — А я так надеялся, что кок с «Хризантемы» поможет разгадать хотя бы эту загадку моря.

— И много таких загадок? — осведомился я.

Коротков посмотрел на меня.

— Много. Неужели не знаете? Впрочем, если бы знали, не спрашивали. С незапамятных времен передается немало легенд о море. Одни из них просто вымысел, в основе других лежали, вероятно, какие-то реальные события и происшествия. Эти истории

довольно живучи. И не удивительно. Люди вообще только краешком глаза заглянули в этот мир, полный тайн и неисчерпаемых богатств, тайн, крепко хранимых. Девушки, я закурю? Спасибо.

Среди многочисленных историй есть и невыдуманные — это семь странных происшествий, которые остались неразгаданными. В 1850 году близ рыбацкого поселка Истон-Бич в Америке выбросило на берег парусник «Сибэрд». На судне не оказалось никого из команды. Последняя запись в судовом журнале была сделана всего в нескольких милях от Ньюпорта, куда шел со своим грузом «Сибэрд». В 1872 году английская бригантина встретила у берегов Португалии шедший под всеми парусами американский бриг «Мэри Сэлист», или «Мария Целеста». На бриге не было ни одного человека. В 1880 году бесследно исчезло английское судно со всем экипажем и двумястами пятьюдесятью морскими кадетами. В октябре 1902 года у мексиканского побережья загадочная авария произошла с немецким барком «Фрейя» сразу же после выхода из порта и при хорошей погоде. Никого из команды поврежденного барка найти не удалось. В 1928 году пропало датское учебное судно «Кобенхавн». Пропало так же бесследно, как и другие, хотя на нем была радиостанция. В 1948 году голландский пароход «Уранг Медан» подал странный сигнал бедствия. Судно быстро обнаружили спасательные корабли, но загадочная смерть уже скосила всех членов экипажа. На глазах команд спасателей пароход загорелся и взорвался. Потом в 1953 году при таинственных обстоятельствах исчезла команда небольшого теплохода «Хольчу».

Сколько ни бились, так и не удалось обнаружить чего-либо проливающего свет на причины этих катастроф, разгадать тайну исчезновений экипажей. Вот семь тайн моря. Теперь «Хризантема». Меньше суток назад ее капитан, матросы были на судне. Где они теперь, что с ними?

— Что удивительного, — сказал я. — Суда могли погибнуть от попадания метеоритов. Такие случаи зарегистрированы в истории мореплавания. А сколько было случаев нападений гигантских

кальмаров и кашалотов,— и я начал приводить примеры. Меня поддержала Иринка. Она знала огромное количество историй о кальмарах и кашалотах.

— Все это верно, — заговорил Николаи Андреевич, терпеливо выслушав Иринку. — Но чем объяснить исчезновение людей? Почему моряки внезапно бросали свой корабль и бесследно исчезали?

Несколько минут было тихо, если не считать шороха приборов и стука часов. Ох эти часы! Потом задрезжал звонок внутреннего телефона: сперва несмело, затем все настойчивее, требовательнее. Карл Янович, досадливо махнув рукой, потянулся к трубке.

— Что? А мне какое дело? Голубчик...— голос старика стал зловеще ласковым, — кажется, вы уже не грудной ребенок. Извините, ходите на собственных ногах. Получили сообщения и действуйте. Какая почта? Что вы мне «безопасность» да «безопасность»! — Старик не выдержал и сорвался на крик.

— Ничего не хочу слушать! Не хочу! К дьяволу! Ко всем чертям вашу почту! — Он с треском положил трубку на рычаг, какое-то мгновение зло смотрел на нее, затем снял трубку с рычага и положил на стол. — Так лучше. Поехали, ребята, дальше.

Экраны то ярко вспыхивали, то затухали. На нихплыли фантастические, освещенные видимым и невидимым светом картины подводной пропасти.

— Да, — нарушил молчание Николай Андреевич, — что ни говорите, а море умеет хранить свои тайны. — Он снова помолчал и с горечью добавил: — Если бы у меня был «Стимулин 1053»... Перед выходом просил, убеждал. Не дали. Не закончена, дескать, проверка в клинических условиях. А на днях слушал передачу: какой поразительный эффект! Дал радиограмму. Но что поде-лаешь... Сверхскоростному самолету и то надо не менее трех часов, чтобы долететь к нам. Три часа, а единственный человек с «Хризантемы» умрет через полчаса.

Я вздрогнул от неожиданно громко прозвучавшего треска. В руке Нины сломался карандаш. Уронив голову на руки, она зарыдала. Я поднялся, но Коротков тронул меня за руку.

— Не надо. Пусть выплачется.

Нина плакала. Мы молчали, каждый по-своему: Иринка вертела в пальцах карандаш, Николай Андреевич рассматривал завитки дыма, поднимающегося из его трубки. Карл Янович сумрачно поглядывал на приборы. Я чертил мудреную схему: точка, круг, еще круг... Точка — место, откуда в последний раз прозвучал голос «Явы»; круг — на такое расстояние могли затянуть подводные течения дрейфующий батискаф за два часа; второй круг — за пять часов; последний круг — по настоящее время. А если не течение, то что же потащило «Яву»? С какой скоростью? Я бросаю карандаш.

Кто-то гулко и бесцеремонно топал, приближаясь к салону. Дверь с треском распахнулась. На пороге появился взъерошенный Пархоменко. Круглое лицо штурмана было возбужденным, в дегтярно-черных глазах прыгали бесенята.

— А ну! — гаркнул он. — Пляшите! Все пляшите!

Не обращая внимания на нахмурившегося Карла Яновича, штурман шагнул в салон, потрясая зажатými в обеих руках паке-тами.

— Вам, док! — И в руках изумленного Николая Андреевича оказалась небольшая посылка.

Виктор был балагур и весельчак, его любили за это, но сейчас... Я почувствовал, как во мне закипает ярость, и резко поднялся.

— Стоп! — отскочил Пархоменко. — По техническим и психологическим причинам эксцентрическая румба «В объятиях спрута» в исполнении Владимира Кондакова переносится на девять ноль-ноль. У... глазищи горят, как у Ирода. На, возьми!

Я на лету поймал пакет.

Появись здесь сию минуту марсианин, эффект был бы менее разительным. Ничего не соображая, я смотрел на обложку с чет-

кими буквами «Инструкция», на рисунок под заглавием. Все, все перестало для меня существовать. Я ринулся к Пархоменко.

— Где?

— Там... на палубе. — Штурман даже попятился.

На талях покачивалось нечто похожее на гигантскую черепаху. Это был он — мечта океанографов: Кибернетический разведчик больших глубин модель первая, сокращенно КРБГ-1, или «Краб», как мы его называли в институте. Я ушел в рейс, когда «Краб» был в чертежах, а вот сейчас он передо мной готовый к действию.

— Доволен? — спросил Пархоменко. — Я думал, ты будешь кувыркаться, а ты ледышка. Превратности человеческой природы! Наш док, всегда такой чинный, когда открыл свою посылочку, заговорил каким-то нечеловеческим голосом, чтобы я пропал. Прижал к сердцу коробочку и помчался к себе...

— Что там было?

— Стимулин какой-то. Уже колет своего японца.

— Но как? Откуда же все это?

Штурман ткнул пальцем в небо и, протяжно свистнув, повел палец вниз.

— Не понимаю.

— Скажешь! — взглянув на мое недоумевающее

лицо, Пархоменко довольно рассмеялся. — Ракета, брат. — Он взглянул на часы и сразу стал озабоченным и серьезным. — Сейчас будет вторая. Кладут их точно, тютелька в тютельку! Эту я попросил подбросить поближе. Идет! Смотри!

По небосводу скользила, падая сюда, к нам, золотая искорка...

— Держись! — резко крикнул Пархоменко.

Я вцепился в поручни. Над головой дико взвизгнуло. Между «Океаном» и темнеющей вдали «Хризантемой» поднялся вы-

соченный фонтан. Над нами появился темный купол большого грузового парашюта.

Вторая ракета доставила прибор управления «Крабом». Истекали вторые сутки со времени погружения «Явы», когда все было подготовлено. «Краб» отбуксировали метров на пятьдесят в подветренную сторону. Ветер что-то разгулялся, и рисковать не следовало...

Много, очень много интересного на дне, но «Крабу» предстояло жесткое соревнование с временем. «Краб» должен забыть все, что не имеет отношения к поиску батискафа. Я немного волновался, запуская автомат управления: не перепутал ли чего, перестраивая командное устройство.

«Краб» ожил, зажглись сигнальные огни. Он двинулся вперед, все глубже и глубже зарываясь в волны. Вот он уже весь в воде. И, сразу накренься, «Краб» скользнул вниз, туда, где прозрачная голубизна переходила в мутную темень. Еще минута — и цветные огоньки «Краба» затерялись в пучине.

Заработали «глаза» подводного разведчика. Они позволили видеть все вокруг и самого «Краба». Я направил объектив проектора на самодельный экран: Нина приколола к шкафу обратной стороной первую попавшуюся под руку морскую карту. И с какой ясностью, четкостью мы увидели то, что было скрыто от человеческих глаз.

Склон глубоководной теснины круто падал вниз. Мелькали узкие и темные подводные ущелья, обрывистые гигантские террасы, застывшие каменные потоки. Местами каменные нагромождения удивительно напоминали затонувшие строения. Темнота

вокруг «Краба» становилась все гуще и все больше напоминала звездное небо. Прошли считанные минуты, и внизу появилось желтоватое пятно. Дно!

«Краб» остановился. Перед ним вертелась какая-то любопытная акула, поодаль шмыгали неясные тени, а на дне лежали вездесущие креветки. Всюду жизнь. До дна пятьдесят метров. «Краб» начал горизонтальный поиск. Теперь смотреть на экран бесполезно: робот неся над дном, словно самолет на бреющем полете, и на экране все сливалось...

В подводном ущелье батискафа не было.

«Краб» выскочил из его глубин и двинулся вокруг. Здесь он шел с еще большей скоростью. Вдруг, словно споткнувшись, завертелся на месте, и на экране заплясало дно. Там среди камней что-то темнело...

Но «Краб» сразу же рванул дальше. Из щели блока информации выползла фотография: на дне лежала сильно деформированная подводная лодка. Да, некоторое сходство с батискафом было. На обороте фотографии — точные координаты, глубина, температура, направление и скорость подводного течения. Придет время, и мы вернемся сюда. А сейчас вперед и вперед. «Краб» знает свое дело. Спасибо тем, кто через материки и моря доставил «Краба», лекарство Короткову, тем, кто превратил оружие чудовищной разрушительной силы в средство спасения людей, в мирный почтовый корабль. Спасибо людям в защитной форме, тем, кто готовил ракеты к полету, кто точно рассчитал их траекторию и точно за многие тысячи километров вывел их к борту нашего корабля. Это только первые почтовые ракеты, и отправляют их пока парни в защитной форме, но пройдет время, и трассы геокосмической связи опояшут планету, и некогда страшные баллистические межконтинентальные ракеты станут желанными, мирными, грузо-почтовыми кораблями, прибывающими точно по расписанию. Так будет. А пока...

Луч курсографа прыгнул по шкале: робот отклонился от заданного курса и все больше и больше, забирая влево, пошел вниз.

Три тысячи, три с половиной, четыре, четыре семьсот...

«Краб» остановился. Но где же дно? Внизу какая-то мутная чернота. Но что это? В самом деле или мне показалось? Темнота заколыхалась, и тотчас «Краб», словно крадучись, тихо-тихо двинулся вперед. Снова остановился и даже попятился назад. Из-под обтекателя выдвинулись две иглы, и их острия полоснули голубые трассы в темноту. «Краб» применил оружие!

Нина часто задышала у меня над ухом. Нечто темное теперь уже явственно колыхнулось и стало отодвигаться, откатываться и вдруг резко отпрянуло.

Мы увидели дно...

— «Ява», — прошептала Нина. — Они!

Да, это наконец «Ява». Завалившись набок, красный в белых полосах батискаф лежал, глубоко зарывшись в ил.

До этой секунды меня интересовал только батискаф и ничто другое. Но вот «Ява» найдена, и теперь все мое внимание поглотила эта «движущаяся темнота». Включив ручное управление, я бросил к ней «Краба». На миг показалось, что его усы — чувствительные антенны — коснулись чего-то плотного.

— Назад! — схватил меня за плечо Карл Янович. — Назад! Разрази тебя гром! Нашел время!

— Смотрите, какой след на дне! — вскрикнула Иринка.

То, что я сперва принял за складки илистого дна, было следом неизвестного существа. Огромные округлые вмятины шли в два ряда. Одна вмятина слегка задевала батискаф. Он был крохотным камешком на пути неведомого гиганта: в одной вмятине легко уместилось бы три «Явы». Каких же размеров хозяин этого следа?

— М-да... — потер подбородок Карл Янович. — Прежде всего давайте не терять головы. Прежде всего батискаф.

«Краб» приблизился к батискафу. Левый двигатель с кожухом расплюсчен в лепешку, сильно измята рубка с надписью «Ява», начисто исчезла антенна, где-то под слоем ила невидимая гондола. Скверно. Я ожидал с минуты на минуту, что покажется пробоина в поплавковой камере — смертельная для батискафа

рана, и, когда «Краб» закончил осмотр, мы облегченно вздохнули: поплавковая камера была только помята. «Краб» вытянул механическую руку и трижды стукнул по корпусу.

Затаив дыхание, мы слушали. Какое-то шипение, поскрипывание и перестук часовых механизмов: там, на дне, в гондоле, шли часы. Робот снова постучал, и снова «Ява» не отвечала.

Тогда «Краб» вытянул обе руки, пошарил около рубки. Нашупав скобу, он ухватился за нее и потянул. Сперва легонько, потом сильнее, потом на всю мощь своих двигателей. Я не верил своим глазам: батискаф даже не качнулся.

— Стоп! — поднял руку Карл Янович. — Давай «скотинку» на дно!

«Скотинка» опустилась рядом с батискафом.

Неожиданностям не было конца. Под «Крабом» оказался не ил, а жесткий грунт, монолит. Нет, это все же был ил, непостижимым образом, судя по всему, мгновенно окаменевший. Вся, как говорят, фактура ила сохранилась: и следы каких-то подводных существ, и мягкая неровность поверхности, и вспученность, где плюхнулась «Ява», и длинная глубокая борозда от цепигайдропа. Смотришь, и кажется, что это зыбкое месиво... а на самом деле — камень. Точно циркулем, очерчена вокруг батискафа невидимая граница окаменелости. Дальше, метрах в тридцати, был обычный ил; «Краб», сунувшийся было туда, поднял целое облако. Обежав круг, он вернулся к «Яве» и принялся выстукивать, сверлить, прощупывать окаменелый ил.

Несколько минут мы все растерянно поглядывали на экран. Похоже, что пучина не собирается расставаться со своей добычей.

— А что, если... — подняла голову Нина, и в ее глазах блеснули огоньки. — У нас есть взрывпакеты для сейсмических исследований.

Я всегда говорил, что у Нины золотая головка, и согласен с нашим стариком: «Нина Васильевна соображает, не то что некоторые».

Предложение Нины было принято. Пока ожидали консультантов по подрывному делу, «Краб» успел перетащить на дно все необходимое.

Консультантов было двое: коренастый, с пышными усами полковник инженерных войск и молодой высокий флотский инженер. Они вежливо приветствовали нас с экрана телевизора и внимательно выслушали Карла Яновича.

Не знаю почему, но я как-то был настроен скептически. Что товарищи военные понимают в нашем деле? Глубина... Главное, меня раздражала их спокойная медлительность...

«Краб» снова ползал вокруг «Явы». На мою язвительную реплику о некоторых «Фомах неверующих», которые не перевелись до сих пор, усатый ответил:

— Скажешь гоп, як перескочишь!

Они просмотрели информацию «Краба», посовещались вполголоса и задали несколько вопросов. Мне казалось, слушая мои ответы, усатый ухмылялся. Они снова посовещались и начертили схему закладки зарядов. Оказалось, что зарядов требуется меньше, чем я думал, и закладывать их надо совсем не там, где я опрометчиво предложил. Мне пришлось пережить еще одну позорную минуту. Когда я раздумывал, как дать задания «Крабу» на необычные для него работы подрывника, усатый ласково и насмешливо проговорил:

— Уважаемый, насколько я знаю, ваша «скотинка» понимает человеческий язык. Вот так. — И он четко продиктовал задание, а затем миролюбиво добавил:

— Ничего, бывает, бывает...

Громыхнули взрывы. Мутное облако закрыло батискаф. «Краб» нырнул в это облако. Подводный работяга трудился лихо: огромные рваные куски окаменелого ила так и летели в разные стороны. Постепенно мутная пелена рассеялась. Батискаф стоял на киле.

Главное — теперь можно осмотреть гондолу... Все в порядке! Но почему все-таки безжизненно темны ее глаза-иллюминаторы, почему нет ответа на сигналы «Краба»?

— Попробуем поднять, — говорит Карл Янович и вытирает платком испарину, густо выступившую на лбу.

«Крабу» не удалось оторвать батискаф ото дна.

Надо сбросить балласт: разгрузить из бункеров дробь, отключить цепь-гайдроп, на которой висели огромные глыбы окаменевшего ила. Чтобы это сделать, надо выключить электромагниты, которые удерживают весь аварийный балласт, надо разомкнуть электрическую цепь. Но размыкатель-то в гондоле...

— Извините! — вмешался молчавший до сих пор моряк. — Если я не ошибаюсь, с левого борта открывается доступ к кабелю...

Он не ошибался, этот вежливый моряк. Он просто хорошо знает устройство батискафа.

Ничего не видно. Робот припал к борту батискафа, и его механическая рука копается где-то внутри, под обтекателем. Слышен только скрежет металла о металл. Я чувствую, как напрягаются электрические мускулы «Краба». Что в его руке?

Трос? Кабель?

Батискаф резко качнулся. Грохот и звон обрушивается на нас. Кажется, над нашими головами заплясал железный слон. Затем что-то зашипело, звонко лопнуло, и с экрана «Краба» исчезла «картинка». Пусто. Только нежное голубоватое свечение.

— Ирина Алексеевна, голубушка, быстренько к себе, проконтролируйте лично показания приборов. Что делается на дне? — обратился Карл Янович к Иринке.

Я только успел перевести командное устройство «Краба» на аварийный режим, как в динамике раздался взволнованный голос Иринки:

— Идет! «Ява» идет!

Прошло несколько минут, и батискаф попал в объективы подводных телевизоров «Океана». Сперва это было смутно белеющее

пятно. Оно быстро приближалось, росло, все более и более отчетливыми становились контуры корабля глубин.

«Ява» шла, кренясь на левый борт, оставляя за собой мутный «шлейф». Балласт из бункеров, тяжелая платформа с аккумуляторной батареей, цепь-гайдроп — все это осталось на дне, и батискаф поднимался к воздуху, солнцу, жизни. Он шел бы еще быстрее, если бы на нем не висел мертвым грузом бедняга «Краб». Аккумуляторы, падая, обрушились на него, искорежив головные датчики, и, кто знает, что еще натворили.

Вдруг Нина крепко сжала мою руку.

— Смотрите! — прошептала она. — Ой, может, мне показалось? Нет! Опять! Смотрите! Да смотрите же все!

На фоне темного шара гондолы мелькнул огонек, а через секунду живым огнем ярко вспыхнули кругляшки иллюминаторов.

Батискаф вынырнул в полутора кабельтовых от нас. Торжественно гудел «Океан», заглушая наши голоса, хотя мы не стеснялись в выражениях чувств.

У опор крыльев кипели и пенились буруны, вставали и разбегались изумрудные стены, за кормой оставался ураган и грохот. «Океан» мчался навстречу солнцу и «Кораллу».

— ...Не могу объяснить этого, — говорил Али Чокроаминаго, непривычно медленно, то и дело поднимая руку к забинтованной голове. — Времени у нас оставалось много, и мы пошли туда. И все было хорошо и правильно. Было уже глубоко, у самого дна. Интересное дно. Склоны, густо усеянные светлыми кристаллами, местами толстый слой конкреций¹. Такого я еще не встречал... А дальше — ил. Мы брали пробы. И тут нас, понимаете, потянуло на глубину. Какая причина? Не знаю. Мы плюхнулись в ил. И

¹ Конкреции — округлые образования в результате концентрации минеральных веществ из водного раствора. В огромном количестве они устилают дно океанов и содержат железо, марганец, никель, кобальт, медь и другие элементы.

сразу началось это... с головой. Какая-то противная пустота стала расходиться от головы по всему телу...

Очнулся я от удара. В гондоле было темно и качало. О, как качало!.. Я летал, как говорит друг Женя, как это? Вверх тормашками...

Али засмеялся. Он не в претензии. Лучше иметь немного разбитую голову и сидеть здесь, чем иметь целую и оставаться там. Да, наверху очень хорошо. Но... Он немного подремонтируется и обязательно полезет в это жилище живой темноты. Что с японцем?

Николай Андреевич не спеша выколотил трубку и так же не спеша спрятал ее.

— Будет жить.

— Смотрите, вот уже и «Коралл».

— А что наш уважаемый рыболов молчит? — толкнул я локтем в бок Женьку. — Тебя на «Коралл» тоже в ракете доставили?

— Тише, бегемот. Последние ребра поломаешь, — поморщился Женька. — Я пока предпочитаю пользоваться самолетами.

— Готова поспорить, — засмеялась Нина, — он обдумывает план подводной облавы.

— Ну и, как всегда, проспорила бы. Меня интересует другое. Знаете ли вы, что представляет собой дно в той впадине? Да, ил. Станным образом мгновенно окаменевший? Нет, Володя, ты к этому не привязывай «ту тварь». И в том месте ил был как бы готовой к кристаллизации массой, высокомолекулярным веществом. Батискаф, попав туда, нарушил термодинамические условия — и, пожалуйста, кристаллизация. Очень интересно. Но не в этом дело. В куске окаменелого ила, сохранившегося между гондолой и камерой, оказалось столько некоторых редких элементов, сколько

их производят все предприятия Земли за сутки. Вот так! И я думаю, не пора ли по-настоящему открыть океан, а нам, океанологам, переквалифицироваться на океанопроизводственников?

Евгений поднялся и, прихрамывая, зашагал по салону.

— Надо брать богатства моря. Хотя бы то, что лежит на поверхности дна. Ведь только в конкрециях, — он поднял черно-коричневый камешек, — миллиарды тонн высококачественной руды! Я уже не говорю о том, что растворено в водах океана...

Мы тепло распрощались с индонезийскими друзьями, и вскоре «Коралл» исчез в бело-голубом просторе. Солнце прямо в зените, и, кажется, все дремлет, разморенное тропическим зноем.

Карл Янович был неумолим, и пришлось бросить все и отправиться в каюту отдыхать. Как и все, я поворчал по этому поводу, но с каким превеликим удовольствием плюхнулся в прохладную постель.

Меня разбудили Иринка с Ниной. Не знаю, была ли в этом необходимость, но они окатили меня холодной водой, а после этого еще и обругали за беспорядок в каюте.

Ладно, милые мои, ругайтесь и шутите сколько хотите. Я готов все вытерпеть за весть, которую вы принесли: нам разрешен глубоинный поиск!

...После ужина наш шеф переглянулся с Коротковым. На немой вопрос бортврача Карл Янович согласно кивнул головой.

Николай Андреевич поднялся, вышел из кают-компания и через несколько минут появился снова. В руках его был магнитофон.

— В самые последние минуты, перед отправкой на «Коралл», — сказал Николай Андреевич, — японец пришел в себя. Я записал его рассказ.

...Ночью на палубу «Хризантемы» попало несколько летучих рыб. Мураи пообещал команде «божественный обед» и сейчас старался это обещание осуществить. На сковородке в масле шипели первые кусочки лакомого блюда, когда на палубе началась какая-

то необычная возня. Затем дизель застучал реже, и Мураи почувствовал, что «Хризантема» сбавляет ход. Это уже было интересным, и он, немного поколебавшись, выскочил на палубу. Весь многочисленный экипаж «Хризантемы», даже моторист и рулевой, толпились на носу, переговаривались и жестикулировали. На палубе появился и сам господин Сейдзюро.

Повар заглянул через плечо моториста и очень удивился увиденному. На поверхности воды показалась туша какого-то животного. Желто-зеленое студенистое тело, превосходящее по размеру «Хризантему», колыхалось в десяти метрах впереди судна. Оно плыло. За ним бурлила вода, а по телу пробегали цветные полосы. Нет, это не был кальмар, хотя неизвестное существо и было чем-то похоже на него.

Сейдзюро скомандовал, и один из матросов принес из капитанской каюты карабин. В этот момент ветерок донес запах пригорелой рыбы. Мураи, проклиная все на свете, бросился к камбузу. Пока он метался по камбузу, наполненному сизым дымом, с палубы прозвучало несколько выстрелов и «Хризантема» ткнулась во что-то мягкое.

Сгорая от любопытства, Мураи высунул голову в щель двери и застыл с раскрытым ртом.

Из воды поднималось и, изогнувшись дугой, тянулось к «Хризантеме» чудовищных размеров щупальце. Нет, это скорее был страшно увеличенный хвост морского черта. Этот «хвост» опускался к застывшим в различных позах людям на носу корабля.

Сейдзюро вскинул карабин, в то же мгновение по «хвосту» пробежала судорога. Мураи, цепenea от ужаса, увидел, как Сейдзюро и все, кто были рядом с ним, исчезли. Нет, их не схватил «хвост». Просто были люди и не стало их, исчезли на глазах. Это было так непонятно, страшно, что Мураи закричал и отпрянул в камбуз. В тот же момент его словно ударило по голове. В глазах потемнело, в мозгу закружилась огненная карусель. Задыхаясь и чувствуя, что теряет сознание, повар заметался по камбузу, а потом полетел в жаркую темень, наполненную ужасом...

Еще несколько минут в тишине шелестела лента магнитофона. Затем все кончилось.

— Ничего не скажешь, — проворчал Карл Янович, — щедрый нынче океанище на загадки. Ох, щедрый. А теперь, други мои, спать. Завтра подниму на зорьке.

БИБЛИОГРАФИЯ

Звездолет возвращается на Землю. — Парус: Сборник для юношества. Калининград, Калининградское книжное изд-во, 1963. Илл. В Резчикова и др.

Загадки пучины. — На суше и на море: Повести. Рассказы. Очерки. Статьи. М., «Мысль», 1965. Рис. к рассказу В. Карабута.

Борис Петрович Лавренко (1913 — после 1985) — писатель, редактор. Во время Второй Мировой войны командовал взводом инструментальной разведки. Воевал на Западном, Юго-Западном, Брянском, Центральном и 3-м Белорусском фронтах. Закончил войну командиром артиллерийского полка. Награжден орденом Красного Знамени и орденом Ленина. С 1946 — полковник запаса. Жил в Калининграде, в 1947-1950-х гг. был секретарем исполкома Сталинградского района. С конца 1950-х гг. директор Калининградского издательства. Выступал как автор рассказов, составитель и редактор сборников. В книге представлены все его известные научно-фантастические произведения.

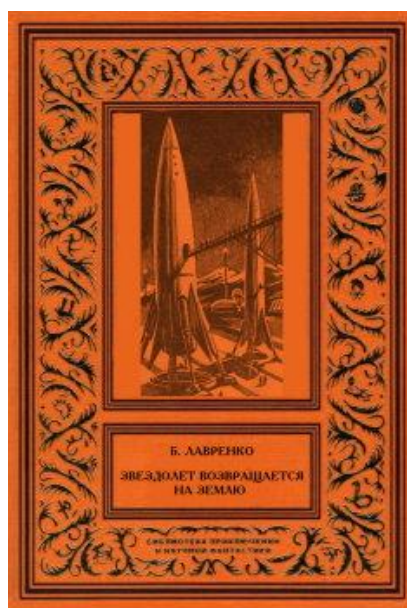
Литературно-художественное издание

БИБЛИОТЕКА
ПРИКЛЮЧЕНИЙ И
НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

Выпуск 9

Борис Петрович Лавренко

ЗВЕЗДОЛЕТ ВОЗВРАЩАЕТСЯ НА ЗЕМЛЮ

Любое коммерческое использование издания
запрещается